

ТОМАС ЭРИКСОН

КАКОГО *цвет* УБИЙСТВО?

ТОЛЬКО ЕГО МЕТОД
МОЖЕТ ПОМОЧЬ
РАССЛЕДОВАНИЮ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Какого цвета убийство? Шведские триллеры

Томас Эрикссон

Какого цвета убийство?

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Эриксон Т.

Какого цвета убийство? / Т. Эриксон — «Эксмо»,
2011 — (Какого цвета убийство? Шведские триллеры)

ISBN 978-5-04-194634-0

Известного мультимиллионера убивают на глазах нескольких сотен зрителей. Его смерть кажется закономерной – он успел нажить немало врагов. Если бы не одно «но» – убитый заранее знал, что кто-то уже готовит для него пулю. Его любезно уведомили об этом в письме. Свидетелем преступления становится популярный коуч и специалист по человеческому поведению Алекс Кинг. Выступая консультантом полиции, он вместе с инспектором Ниной Мандер берется за расследование. В основу метода Кинга лег вполне реальный подход к цветотипированию человеческих характеров. Ему же посвящен психологический супербестселлер автора – «Кругом одни идиоты», в котором объясняется, как с помощью цветотипирования можно безошибочно считывать мысли людей и прогнозировать их поступки. Но сработает ли этот подход в случае расследования громкого преступления? Удастся ли герою вычислить, «какого цвета» убийца? Тем более что тот уже наметил новую жертву.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-194634-0

© Эриксон Т., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	36
Глава 10	38
Глава 11	39
Глава 12	41
Глава 13	43
Глава 14	45
Глава 15	48
Глава 16	49
Глава 17	51
Глава 18	53
Глава 19	55
Глава 20	57
Глава 21	61
Глава 22	63
Глава 23	68
Глава 24	70
Глава 25	74
Глава 26	76
Глава 27	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Томас Эриксон

Какого цвета убийство?

Посвящается тебе

Bländverk by Thomas Erikson

© Thomas Erikson 2011, by agreement with Andrew Nurnberg on behalf of Enberg Literary Agency AB

© Колесова Ю.В., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Исследования человеческого поведения подтверждают: наиболее эффективны те люди, которые осознают, как сами они ведут себя в различных ситуациях. Они хорошо знают свои сильные и слабые стороны и потому могут разрабатывать стратегии, позволяющие соответствовать требованиям окружения и одновременно достигать собственных целей.

Система, описанная в этой книге, строится на исследованиях различных психологических типов К. Г. Юнга и У. М. Марстона. Система с красными, желтыми, зелеными и синими

стилями коммуникации дает картину поведения человека: как базового, так и адаптивного, то есть поведения в определенном окружении.

Однако для понимания всей личности индивида необходимо учитывать другие аспекты, помимо поведения: движущие силы, мотивацию, личные предпочтения – и это лишь несколько примеров.

Томас Эриксон

Глава 1

Всю свою жизнь он обманывал, предавал и унижал людей. У каждого свои способности. У него – вот такие. Он прекрасно умел манипулировать, подчинять себе и подавлять других. Не то чтобы он этим гордился – просто констатировал факт. Скольких человек ненароком довел до самоубийства, сколько семей разорил. Он даже не подсчитывал. Десятки – мало, скорее – сотни. И не страдал ни бессонницей, ни муками совести.

Все это он делал ради богатства.

Клаэс Юнгтрен любил деньги. Их приятно иметь, они дают свободу. Сейчас его состояние оценивалось в миллиард крон, но до следующего уровня – долларового миллиардера – оставалось слишком далеко. В его возрасте поздновато мечтать о таком.

Впрочем, теперь с беспринципной гонкой за деньгами покончено.

Странно, что он должен был дожить до преклонных лет, чтобы понять: пора менять привычки. Нет, старый черт Юнгтрен не ударился ни в маразм, ни в религию. Однако необходимость перемен дошла до него только тогда, когда к горлу приставили нож.

Он только что прочел книгу об Альфреде Нобеле, и больше всего его потрясли причины возникновения Нобелевской премии. В 1888 году, когда умер некто Людвиг Нобель, одна газета все перепутала и опубликовала некролог об Альфреде – его брате. Прочтя его, тот задумался. Альфред изобрел динамит. В некрологе его называли «торговцем смертью», поскольку взрывчатку стали охотно использовать в военных целях. И тогда он написал завещание о создании Нобелевской премии.

Клаэс понимал, что слишком амбициозно сравнивать себя с Альфредом Нобелем. Он алчен, а не глуп. Но что он оставит после себя, кроме длинной вереницы противников? Что будет написано в его некрологе? Да и кто станет о нем писать? Его взлет в шведской коммерческой жизни был окутан дурной славой. И по пути он нажил себе немало врагов.

Электричество в настольной лампе в его кабинете мигнуло, как будто соглашаясь с мрачными мыслями. Старое кожаное кресло поскрипывало под Клаэсом, а в ногах тревожно похрустывало. Он потянулся. Спина затекла быстрее, чем обычно. Вот она, старость, уже подкрадывается. В свои пятьдесят пять он может рассчитывать еще лет на десять хорошей жизни. Если бросит курить прямо сейчас.

Встав с кресла, господин Юнгтрен оглядел свою домашнюю библиотеку. Тяжелые переплеты, эксклюзивные издания, антиквариат. Ничего из этого он никогда не открывал, хоть и потратил на книги многие миллионы. И дело не в нехватке времени – ему просто не хотелось читать. Он хотел обладать.

Клаэс тяжело вздохнул. Что же он создал в жизни? Нажил богатство, это да. Он открывал новые предприятия, покупал, дробил на части, продавал. Добивался повышения курса акций, продавал, зарабатывал быстрые деньги, часто на чужой беде. Журналисты из финансовых изданий по-прежнему звонили ему, желая знать, что он думает по поводу событий на бирже, стабильности шведской кроны и цен на сырье. Он давал комментарии, но с годами его ответы становились все более расплывчатыми. Теперь он уже не так наивен и склонен к риску, как раньше. Не столь уверен в бессмертии.

Сделав пару кругов по кабинету, Клаэс снова сел в кресло.

Неправильно. Все это время он жил неправильно. Тратил время не на тех людей. Перед его мысленным взором возник образ Линды.

Он с возмущением осознал, что какая-то часть его готова прослезиться. Нет уж... Он громко открыл ящик стола и достал распечатанный конверт с несколькими письмами внутри. С этими чертовыми письмами, будь они неладны... Перечитать? Впрочем, вряд ли там появилось что-то новое.

Прошло уже пять лет с тех пор, как его дочь Линда в порыве гнева уехала за границу – в основном для того, чтобы оказаться как можно дальше от него. Чтобы не видеть, что ее отец творит с матерью.

Клаэс помнил, как обвинял во всем жену. Это она своей жадностью и эгоистичными требованиями толкнула его в объятия других женщин. Было время, когда он верил в свои аргументы. Постоянно изменять, всегда лгать, где он был и что делал, – это оказалось так легко... Иногда он привирал даже тогда, когда в этом не было необходимости. По привычке.

Как он дошел до такой жизни?... А впрочем, без разницы. Он сам все это допустил.

Внезапно ему пришло в голову, что он мыслит не в том направлении. Важно не то, что напишут в его некрологе, и не то, кто его будет писать. Единственное, что имеет значение, – кто его прочитает.

А ведь Линде будет наплевать. Вот где боль. Боль, о существовании которой Клаэс совсем недавно даже не догадывался.

Ему придется попытаться как-то вернуть ее доверие. Объяснить то, что он сам недавно открыл для себя. Боже мой, но ему же всего пятьдесят пять! Разве это возраст? У него в запасе масса времени, должна быть! Он непременно все ей объяснит. В ответ дочь выскажет свое мнение по поводу его богатства: ей захочется, чтобы он обратил его на что-то хорошее. Конечно, он готов пожертвовать частью на благотворительность. Да хоть четверть миллиарда, если это сделает ее счастливой!

Он знает, что делать. Надо связаться с ней и выложить все как есть. Он расскажет ей... О чем? О своем внезапном просветлении? Нет, пожалуй, заявить о таком было бы преувеличением. Но, так или иначе, в конце концов он сложил в голове этот пазл.

Снова встав с кресла, Клаэс Юнгтрен решительно убрал конверт в ящик письменного стола. Хватило бы времени.

Глава 2

Снайпер положил перед собой винтовку и огляделся. Ждать пришлось долго, и наконец что-то начало происходить. Место представляло собой выступ под потолком конференц-зала отеля на высоте двенадцати метров. Шириной всего сантиметров восемьдесят, без ограждения. Ничего страшного. Стрелок был невысок ростом и поместился там без проблем.

В воздухе ощущалось нетерпение. По мере того как зал заполнялся зрителями, гул голосов становился все громче. Полный порядок – все тщательно спланировано. Покидать место действия придется быстро: когда прозвучит выстрел, зал превратится в ад.

Полицейских поблизости, скорее всего, нет. Такого рода мероприятия не требуют охраны. Наверняка возникнет паника. Мертвые тела всегда производят такой эффект. Вот тогда и появится полиция. Но будет уже поздно, дорогие блюстители порядка, слишком поздно.

Через линзу оптического прицела снайпер наблюдал за местом, где будет находиться жертва. Застрелить человека в помещении – раз плюнуть. Цель в основном неподвижна, хорошее освещение, никакого ветра, требующего корректировки.

Пожалуй, чересчур легко, даже неинтересно. Приличный гонорар за одно небольшое движение. И – домой к обеду.

В зал подтягивались все новые и новые зрители. На секунду стрелку вспомнилась афиша у входа. Любопытно было бы послушать немного. Но работа есть работа. Человеку, который будет сегодня выступать перед пятью сотнями слушателей, не суждено закончить свою лекцию.

* * *

– Чего это вы разлеглись? – с удивлением спросила администратор. Позади нее за дверями уже собрались в нетерпеливом ожидании сотни людей.

Алекс Кинг отметил, что у нее голые ноги. Кожа на бедрах блестела в лучах света, падавших через окно в потолке. Он неуклюже поднялся с пола, отряхнул брюки. Протянул руку за пиджаком, переброшенным через спинку стула, на всякий случай пощупал карман. Запечатанное письмо из больницы на месте. Ладно, после выступления.

– Ментальная настройка, – бодро, хоть и через боль, произнес он. – Научил один старый буддист.

Алекс вымученно улыбнулся – лишь бы она ничего не заподозрила.

Администратор – он и под угрозой расстрела не смог бы вспомнить, как ее зовут, хотя общался с ней уже раз двадцать, на груди у нее был прикреплен бейджик и она всегда здоровалась с ним за руку, произнося свое имя, – посмотрела на него. В принципе, совсем неважно, что она про него подумала.

– Дорогу найду, спасибо, – бросил он и вышел из комнаты. Пройдя несколько шагов до выхода в конференц-зал, остановился, закрыл глаза и силой воли постарался прогнать боль. Все хорошо. Все пройдет замечательно. Выступление встряхнет эту публику.

Сделав глубокий вдох, Алекс Кинг толкнул дверь и вышел на сцену.

* * *

Вот и он. Гул голосов человеческого моря в большом зале смешивался с фоновой музыкой из динамиков. Каждая мышца в теле пришла в состояние готовности.

Окуляр наведен прямо на цель. Голова мужчины в прицельной сетке казалась большой, как солнце. Темнее, конечно. По-человечески мягкой. Уязвимой.

Что плохого сделал обреченный на смерть, кого он вывел из себя, на чью любимую мозоль наступил – это снайпера совершенно не волновало. Просто работа.

Медленный, глубокий вдох, чтобы уменьшить возможную вибрацию в теле. Контроль дыхания. Скоро прозвучит выстрел – ровно между двумя ударами сердца.

* * *

Когда приглушили освещение, Алекс уже стоял на сцене.

Оглядев зал, он увидел, что на него устремлены как минимум пятьсот пар глаз. Пару секунд он смотрел в потолок, пока шум не начал стихать. Свет прожекторов сильно бил в глаза. Слушатели расположились полумесяцем, последний ряд находился гораздо выше первого.

Они смотрели на него, преисполненные ожиданий, когда Алекс поднял обе руки. Постепенно установилась тишина.

– Всем добрый день!

Всюду улыбки. Несколько ответных приветственных выкриков.

– Меня зовут Алекс Кинг, я специалист по человеческому поведению и межличностной коммуникации. Но вы это, наверное, уже знаете, раз пришли сюда. Я занимаюсь стратегиями управления и индивидуальным коучингом. И сейчас планирую украсть два часа вашей юной жизни.

Приглушенные смешки.

Алекс подождал, пока они стихнут.

– Думали ли вы о том, что некоторые из нас окружены идиотами?

Хохот.

– Я абсолютно серьезно. Одни из нас легко договариваются со всеми, с кем им приходится иметь дело, пока другие постоянно сталкиваются с придурками. Разве не странно? – он мысленно сосчитал до трех. – *Очень* странно. Подумайте... из-за чего один с каждым может договориться, в то время как другой – только поссориться?

В воздух взмыли руки, словно он выступал на школьном уроке, хотя вопрос был явно риторический.

– Наша цель сейчас – разобраться в основных понятиях, необходимых для объяснения того, с чем это связано. Когда мы покинем этот зал... – он посмотрел на часы, – спустя час и пятьдесят четыре минуты, вы заметите, что идиотов вокруг стало меньше. А заодно я раскрашу ваше окружение в разные цвета. Вы обнаружите, что некоторые люди – красные или желтые, а другие – зеленые или синие. Поймете, почему люди такие, какие они есть, и что вы можете с этим сделать. Остальное – на ваше усмотрение.

Показывая на гигантском экране слайды презентации, Алекс стал объяснять, как человек воспринимается его окружением.

– Существует разница между поведением и личностью, – сказал он, глядя в зал, и на мгновение поднял глаза к потолку. Справа, в самом верху, что-то блеснуло. Он прищурился, но прожекторы мешали разглядеть что-либо. Наверное, показалось. – Личность скрыта от посторонних глаз. А вот поведение мы можем наблюдать.

Алекс показал слайд, изображающий сложную математическую формулу.

– Это очень важная формула, и вы должны ее записать, – произнес он с самым серьезным видом. В зале зашуршали: «Надо что-то записывать? Нас никто не предупредил». Люди засуетились, стали искать ручки и визитки или квитанции с парковки.

Спикер развел руками.

– Да нет же, не записывайте!

Снова смех, облегчение на лицах.

Алекс продолжил говорить. В начале лекции он всегда следовал сценарию, но вскоре начинал импровизировать.

– Сегодня я выступаю для вас в качестве так называемого внешнего фактора. Уверен, не будь этой лекции, вы занялись бы другими полезными делами. Судя по вашему виду, вы прекрасные предприниматели – и в жизни, и в бизнесе.

Человеческий мозг – удивительный прибор. Немного похвалы – и он уже начинает рассылать по всему телу сигналы удовольствия. Дай людям в зале почувствовать положительную обратную связь. Вскоре по ним распространится приятное тепло, и потом все будут вспоминать лекцию как самое яркое событие недели.

– В данный момент вы приспособливаете свое поведение ко мне. Поскольку я, как внешний фактор, создаю новые условия и предпосылки, ваше поведение можно назвать адаптивным. Но изменил ли я вас как личностей? Не думаю.

* * *

Снайпер остановил взгляд на мужчине, стоящем на сцене. Тот размахивал руками, стараясь казаться убедительнее. В прицельной сетке окуляра были видны бисеринки пота у него на лбу.

Да, приятель, скоро станет совсем жарко.

В деле была лишь одна досадная деталь. Когда сюда прибудет полиция, они обнаружат винтовку на видном месте. Так надо. Жаль. «Блазер Тактикал 2» – штука недешевая, и для такой работы даже слишком хороша. Ее можно разбирать и собирать сколько угодно раз – на меткость стрельбы это не повлияет. Эффективное, но не очень распространенное оружие. Дорогое, но заказчик дал ее снайперу бесплатно. Ну что ж, хотят, чтобы винтовка осталась на месте преступления, – их воля. Это не повышает риск, потому что отследить ее невозможно.

Пули полуоболочечные, с открытым мягким наконечником. Вместо того чтобы пройти жертву насквозь, оставив аккуратные дырочки, при попадании в тело такая пуля сплющивается давящей сзади оболочкой и расширяется.

Последствия? Маленькое входное отверстие. Гигантское выходное.

Пора.

* * *

Алекс Кинг переключил слайд, и на экране появился красный круг, а внутри него – два слова:

Ценностные ориентации.

Бегло убедившись, что он ничего не напутал в презентации и слайд верный, спикер повернулся к публике и произнес:

– Теория луковицы описывает, *что* создает поведение человека. Мы действительно рождаемся с определенными генетически обусловленными чертами, но дальше на это накладываются слои, один за другим, пока формируется наш характер.

Алекс поймал взгляд мужчины с третьего ряда. Знакомое лицо. Они уже где-то встречались?

– Базовые ценности влияют на нас каждый день, – продолжал он. – Это те фундаментальные вещи, которые в нас вложили матери и отцы, когда мы были еще совсем маленькими. Например, что драться плохо. Типичный пример ценностной ориентации. Когда я рос, нельзя было бить тех, кто носит очки.

Он выдержал театральную паузу: пусть припомнят одного-другого очкарика из своего класса.

– А с тех пор кое-что изменилось. Сейчас нельзя драться вообще.

Слыша громкий смех в зале, Алекс невольно улыбнулся. Строго говоря, он сам не понимал, почему этот комментарий всегда срабатывал, – но тот ни разу его не подвел. Народу нравилось, а он наслаждался реакцией.

Спикер снова сменил слайд. Теперь вокруг красного круга появился голубая каемочка.

– Поверх ценностных ориентаций наслаиваются наши суждения и отношение к разным явлениям. Они основаны на опыте и переживаниях в детстве, в школе и, возможно, на первой работе.

Расхаживая по сцене, он бурно жестикулировал. Новый слайд. На этот раз уже вокруг голубого поля образовалось желтое. Еще одно наслоение.

Взгляд Алекса невольно вернулся к мужчине в третьем ряду. Лицо действительно знакомое. Загорелый. Хорошо одет. Седые виски.

Алекс был убежден, что они где-то встречались: работая консультантом вот уже десять лет, он имел дело с огромным количеством людей, в основном занимавших руководящие должности. Он вращался среди высокопоставленных лиц, познакомился со многими важными птицами на пути их взлета к успеху и богатству. Впрочем, так было не всегда. Начинал он с тренингов для продавцов: приходит человек, размахивает руками и вдалбливает людям азбучные истины. Только когда он стал специализироваться на стилях управления, в его жизни что-то начало меняться. В нынешние времена он пользуется немалым спросом как эксперт по коммуникациям, так что вполне может позволить себе выбирать. Да, теперь он берется только за самые интересные предложения. Например, как эта лекция.

Выпрямив спину, Алекс широко улыбнулся. Публика у него в руках. Блестяще.

– В целом, мы говорим о базовом поведении. О таком, которое характерно для нас, когда мы полностью свободны от внешнего влияния, одиноки в душе и в мыслях. Давайте зададимся вопросом: а где это с нами случается?

Мысленно он сосчитал до пяти и продолжил:

– Иногда мне кажется, что мы не можем полностью уединиться даже сами знаете где...

Показав еще несколько слайдов, Алекс стал размышлять вслух на тему того, что он называл «социальной компетентностью». Публика смеялась, узнавая людей из собственного окружения – но прежде всего узнавая самих себя. Спикер наблюдал за ними со сцены, довольный произведенным эффектом.

Может получиться весьма удачный день.

На этой восходящей мысли лекция Алекса Кинга закончилась.

* * *

Оружие направлено на цель. Левый глаз закрыт.

Контроль дыхания.

Прямое попадание в голову – и все кончено.

– Надеюсь, на тебе свежие трусы, приятель, – подумал снайпер, уверенно нажимая на спуск.

Ровно между двумя ударами сердца.

* * *

Продолжая говорить, Алекс смотрел на мужчину в третьем ряду. Вдруг на середине фразы лицо у того исчезло.

Эксперт по коммуникациям запнулся – позднее он так и не вспомнил, в каком месте лекции он остановился, – и замер, открыв рот.

По залу прокатилось эхо выстрела.

Голова слушателя исчезла, а на месте его загорелого благородного лица появилась отвратительная буро-алая мешанина.

Люди вокруг стали охать, морщиться и озираться. Некоторые уставились на совершенно растерявшегося Алекса Кинга, как будто ждали, что он что-нибудь предпримет. Они это серьезно?! По телу Алекса расползлось странное онемение. Мозг отказывался истолковывать сигналы, поступающие от глаз. Наверное, выступление придется перенести на другой день. Интересно, нужно ли возвращать людям деньги за билеты?

Эти мысли пронеслись в его голове за долю секунды. В этот же миг тело мужчины медленно поползло со стула. Женщина, сидевшая рядом с трупом (буквально только что это был человек), зажала уши и вытаращила глаза. Словно в трансе, Алекс наблюдал, как ее рот раскрывается. И сперва оттуда не вылетало ни единого звука.

Тело наконец съехало вниз и ударилось об пол, скрывшись от глаз спикера за креслами второго ряда. Может, ему все это привиделось?

Но тут началось.

Все закричали разом.

Глава 3

Стоя рядом с трупом, Алекс Кинг изо всех сил старался не выпачкаться в крови. Ладони вспотели, он не находил места рукам. В голове звучал странный гул, словно он летел в самолете на большой высоте. Черт же его дернул подойти. Но когда первый шок прошел и он с удивлением обнаружил, что в состоянии двигаться, он подумал, что просто обязан подойти. В конце концов, это его мероприятие. А хозяин дома должен проявить участие, если одного из его гостей вдруг подстрелят, верно?

Алекс Кинг избегал смотреть на лицо мужчины. По неосторожности он взглянул туда один раз, и в животе у него все перевернулось. После того как пуля попала жертве в затылок, от головы мало что осталось. Казалось, лицо оторвали от черепа. Мозговая субстанция, кровь и осколки кости разлетелись по стульям впереди, по спинам слушателей, по полу, по одежде убитого. По женщине, сидевшей рядом с ним. У одного мужчины вся шея была забрызгана кровью.

Когда до публики дошло, что кого-то подстрелили, все кинулись на выход с криками, в состоянии коллективного шока. Они чуть было не выломали двери и густой толпой покинули конференц-зал.

Вокруг Алекса остались стоять человек десять. Самые бесстрашные? Любопытные? Медлительные? Трое из них, двое мужчин и женщина, навели на труп мобильные телефоны. Любопытные. Кажется, они фотографируют или, того хуже, снимают видео. Что у них с головой? Следовало сказать, чтобы они прекратили, но слова не складывались. Сглотнув несколько раз, Алекс подавил рвотные позывы – до его ноздрей дошел запах. Странно, но развороченный мозг, похоже, пахнет так же, как обычная кровь. «А ты чего ожидал, идиот?» – обругал себя он. Мысли его путались.

Администратор с белым как простыня лицом оцепенело подошла к господину Кингу, пару раз споткнувшись в проходе. Кажется, она что-то говорила, по крайней мере, губы ее шевелились. Но звук никак не мог пробиться через гул в голове Алекса.

Он зачем-то кивнул и на пару шагов отошел от трупа. Что ему делать? И, оглядевшись, понял, что кто-то должен взять на себя командование. Давай-ка, приятель, соберись. Люди пришли сегодня, чтобы слушать, как ты умничаешь, – так вперед.

– Полицию вызвали? – спросил Алекс, обернувшись к мужчине в черных джинсах и голубой рубашке. Тот серьезно кивнул и помахал своим мобильным телефоном.

Хорошо. Он потерял затылок в поисках идей. О ситуациях такого рода он не знал ровным счетом ничего. Прислушался к женщине, безостановочно что-то говорившей, – видимо, она в шоке. Ее блузка и пиджак были покрыты рвотными массами. Алекс постарался ее успокоить, как мог, не прикасаясь к одежде. Когда наконец приехала полиция, он с облегчением передал женщину их заботам.

Встав чуть в стороне, попытался наладить дыхание. Нос щекотало от очередного отвратительного запаха (их вокруг стало множество), но Алекс совсем не хотел гадать, чем именно пахнет. Какой кошмар...

* * *

Желтое такси стояло прямо на выходе из фойе отеля. Отлично. Так лучше, чем вызывать по телефону. Могут остаться следы. Даже когда используешь анонимную сим-карту, лучше не звонить совсем. И платить придется наличными, чтобы не оставлять электронных улик.

Правда, это, скорее всего, заставит водителя запомнить поездку, но так все равно надежнее, чем использовать кредитную карту.

Слегка поддернув узкую юбку и закинув сумку в такси, снайпер уселась на черное кожаное сиденье. После того как прозвучал выстрел, она просто-напросто слезла с выступа под потолком и вышла через служебный проход, который использовался для настройки гигантских прожекторов. Никто не удостоил ее даже взглядом, хотя по пути к выходу из здания ей повстречалось не меньше двадцати человек.

В туалете она стянула темный комбинезон и спрятала его в сумку. Туда же полетела и сеточка для волос. Юбку она опустила, расправив на бедрах, и распустила волосы.

Этого вполне достаточно.

– К центральному вокзалу.

Водитель кивнул, поправил фуражку и взялся за рычаг переключения передач. «Тойота Приус» отъехала от края тротуара – поездка заняла двадцать шесть минут. Таксист высадил пассажирку у центрального вокзала, где та смешалась с толпой.

В общем и целом – легкие деньги. Даже неинтересно.

* * *

Алекс разглядывал высокую женщину, инспектора полиции, которая представилась как Нина Мандер. На ней был строгий серый костюм, блузка и короткий галстук – пожалуй, она хотела, чтобы ее воспринимали всерьез. Так он и поступит. Они стояли у сцены в большом конференц-зале, который теперь был огорожен и заполнен медиками и полицейскими.

– Итак, господин Кинг, – сказала Нина, которой на вид не было и тридцати, – как все произошло? Я должна восстановить картину произошедшего. Вы свидетель.

Он кивнул, но, прежде чем она продолжила, спросил сам:

– А вы не знаете, кто он? – Алекс кивнул в сторону убитого, зачем-то стараясь, чтобы жест его выглядел обыденно.

Инспектор вскинула брови, но все же ответила:

– Коллеги говорят, его звали Клаэс Юнггрен. Мы сверились со списком тех, кто зарегистрировался на ваше выступление.

Алекс глубоко вздохнул. Ну надо же. Это многое объясняет. Клаэс Юнггрен – известный финансист. Мультимиллионер, венчурный капиталист, игравший по-крупному.

«Подумать только, что такому человеку захотелось прийти на мою лекцию!» – промелькнуло в голове у Алекса.

– Знакомое имя? – спросила Нина.

Он кивнул.

– Но только имя. Я не знал его лично. Его лицо показалось мне знакомым, я думал, это кто-то из бывших клиентов. – Алекс почесал подбородок. – Я как раз смотрел на него в тот момент, когда... когда...

Он закашлялся и сбился с мысли. Когда у тебя на глазах чью-то голову превращают в фарш, дать слабину, в общем-то, нормально. Но почему-то ему хотелось показать, что он владеет собой. Алекс выпрямился и посмотрел служительнице закона прямо в глаза.

– Его голова... исчезла. Я вел лекцию, сперва увидел, как его лицо... Разорвало. Услышал хлопок. Я не уверен – но откуда-то из-под потолка. Дальше – паника. Мне особо нечего рассказать, до сих пор кажется, что это случилось в кино. Не по-настоящему.

Нина кивнула, кажется, распознав его неуклюжую мужественность. Сделала пару замечок в своем блокноте.

– Спасибо. Пока у меня больше нет к вам вопросов. Нужна помощь, чтобы добраться домой?

Он покачал головой и тут же подумал, что зря это сделал.

– Шок может проявиться в любой момент. Вам не следует садиться за руль.

– Я не вожу машину. Возьму такси.

– Ну хорошо. Можно вашу визитку? Я, вероятно, позвоню позже – по ходу следствия появятся новые вопросы.

Алекс полез в карман пиджака и протянул ей свою визитную карточку. Там же его рука наткнулась на конверт с результатами из больницы. Нет уж, на сегодня достаточно потрясений. На его глазах застрелили самого Клаэса Юнггрена...

Подумать только – он пришел, чтобы послушать мое выступление!

Алекс Кинг проводил тренинги и личные консультации для руководства. Да, среди его клиентов были и шишки, и богачи. Однако по сравнению с Клаэсом Юнггреном они выглядели менеджерами среднего звена. Чем выше поднимаешься, тем меньше времени у тебя остается. Ты ворочаешь миллионами, но не знаешь, будет ли у тебя время пообедать в тишине. Сегодня один из влиятельнейших венчурных капиталистов страны сидел в зале в третьем ряду и прислушивался к его словам. Нашел на это время. Человек с самыми обширными связями в шведском финансовом мире.

И тут кто-то взял и пристрелил его...

Глава 4

– Слышали о выстрелах в «ИнфраСити» сегодня утром? – спросил Эрик Дидриксон. Он был исполнительным директором адвокатского бюро «Дидриксон и партнеры» и хотел наладить трещавшие по швам коммуникации среди группы управленцев. Для этого и обратился к Алексу Кингу. Они собрались втроем в модном ресторане под названием «Гриль»: Алекс, директор Дидриксон и его заместитель, Берт Ландин.

– Да, просто невероятно, – ответил Берт. – Трудно представить, что такое может происходить у нас в Швеции, где застрявший на дереве котенок – это уже целая драма.

Деловая встреча уже состоялась, и все детали были оговорены под фуа-гра и неприлично дорогое бургундское. Из всех девяти залов «Гриля» его клиенты выбрали тот, где висели позолоченные зеркала и хрустальные люстры, – вполне типично для юристов. Алекс порадовался, что в итоге он будет выставять счет адвокатскому бюро, а не наоборот.

– Прямо казнь какая-то, – пробормотал Дидриксон и взглянул на Алекса. – Вы слышали об этом происшествии?

Тот разглядывал свои руки, лежащие на белой скатерти. Рядом стоял бокал бургундского, по телу постепенно растекалось тепло и спокойствие. Можно расслабиться. Алексу хотелось взять и выпить все залпом до дна.

«Слышали...» После того как он ответил на вопросы полицейских и как мог утешил администратора, он вызвал такси и поехал прямо домой. Налил себе двойной виски, хотя был только полдень. Долго-долго сидел в тишине в гостиной и смотрел в окно, ожидая, когда же навалится шок. На душе было пакостно, голова раскалывалась, но в целом он был на удивление спокоен, будто под наркозом. Единственное отчетливое воспоминание, осевшее в памяти, – тело Клаэса Юнггрена, прикрытое какой-то тряпкой в том месте, где должна быть голова. Решив, что справится, он вновь вызвал такси и поехал на запланированную встречу.

– Господин Кинг?

Алекс поднял глаза на собеседников, очнувшись от мыслей. Интересно, сколько адвокаты их конторы просят в час за свои услуги? Наверное, тысячи две.

– Убийство в «ИнфраСити»?

– Говорят, ему прострелили голову так, что от лица ничего не осталось, – сказал Дидриксон, поморщившись. – Я рад, что не был свидетелем, должно быть, это омерзительно.

Нет, две пятьсот в час, не меньше. Или даже три.

– Юнггрен всегда пользовался услугами конторы «ЛинклеЙтерс», хотя наши юристы лидируют во всех сегментах, – проговорил Ландин, неодобрительно качая головой. – Не от большого ума, видно.

Алекс пожал плечами, вспоминая, как из отверстия на лице вытекало мозговое вещество.

– Можно сказать, что он это почти заслужил, – продолжил Ландин и поднял бокал, ища поддержки у босса. Дидриксон в ответ только фыркнул.

Алекс снова взглянул на свои руки. Он ожидал, что они вот-вот затрясутся. Собственно, даже не понимал, почему этого до сих пор не произошло. Эти двое уже порядком вывели его из себя – обед пора заканчивать.

– Могу вас заверить, Юнггрен получил сполна, – сказал он. – Я был там.

Оба юриста замолкли.

– Это произошло во время моего выступления. Он сидел в третьем ряду. Я видел, как взорвалась его голова.

Он повернулся к Ландину, поднял бокал, словно собираясь произнести тост, и отпил внушительный глоток.

Ландин смутился и закашлялся. По его тощей шее растекался румянец. Так ему и надо.

– Э...

– Вы правы в одном, – продолжал Алекс. – Ничего не осталось. Только ошметки мозга и кровь. – Он вытер рот салфеткой. – Впрочем, нет. Еще куски кости.

Три пятьсот в час.

Над столом нависла тишина. Ландин, не проронив больше ни слова, поджал губы и убрал руки со стола. Пришлось подать голос Дидрикссону.

– Должно быть, ужасно... ужасно пережить такое, – проговорил он.

Алекс снова взял бокал за ножку и поднес к губам. Повертел, вдыхая аромат вина.

Что на самом деле он испытывает? Он не мог ответить точно. Помимо того, что встроенные механизмы мозга активно защищают его от неприятных образов – за что он им безгранично благодарен, – все остальное кажется нереальным. Почему он не отреагировал более бурно?

Со спокойствием, которого на самом деле не испытывал, Алекс проговорил:

– Жаль такого хорошего семинара. Готовился к нему целый месяц.

– Кошмарное событие, – снова забормотал Дидрикссон, не сводя глаз с Ландина. Тот же с головой погрузился в изучение меню десертов.

– Будем надеяться, полиция со всем разберется, – сказал Алекс. – Так что там по поводу нашего сотрудничества? Мы договорились?

– Когда можете приступить? – оживился Дидрикссон, обрадованный тем, что неловкий момент исчерпан.

Хоть завтра, приятель, хоть завтра. Если переживу грядущую ночь, где Клаэс Юнггрен наверняка посетит мой сон с визитом, зияя простреленной головой.

* * *

Между тем в «ИнфраСити» сорок полицейских вместе с экспертами-криминалистами обследовали помещения, но так ничего и не нашли. Разумеется, обнаружили место, где засел снайпер, но все следы оказались тщательно замечены. Криминалисты ползали по полу, обследовали ковер между стульями и всю ночь сортировали обнаруженные частички, волоски и прочие предметы. Нужно было хоть что-то, хотя бы одна улика или намек на нее.

Ничего – кроме оружия.

Глава 5

Нина, подавшись вперед на стуле, указала на схему, лежавшую между ними.

– Пулю выпустили с потолка, сзади наискосок. Мы обнаружили место, где лежал снайпер. Нашли оружие. Но никаких следов, кроме гильзы.

Комиссар полиции Габриэль Хельмарк расправил свое почти двухметровое тело и поднялся с кресла. Он весил добрую сотню килограммов, и немалую часть этой массы составляла мускулатура. Отойдя к окну, он оглядел серый туман, повисший снаружи.

– «Блазер Тактикал 2». Неплохая винтовка.

Нина кивнула.

– Стрелок неспроста его оставил, это что-то означает. Таким оружием не разбрасываются.

– Он хочет показать нам, что мы не сможем его взять. Дерзкий тип. – Хельмарк обернулся. – Свидетели?

– Никто ничего не видел. Судя по всему, он преспокойно вышел из отеля и был таков. Сел в такси или в автобус. Вряд ли в свою машину, хотя это, конечно, не исключено. Возможно, снаружи его кто-то ждал. Сейчас мы с этим разбираемся: камер в том месте нет.

Ни комиссар, ни инспектор не сказали вслух того, о чем оба думали. Пока им не за что зацепиться. Нет ничего, кроме винтовки. Ее обследуют и проверят эксперты, но это скорее формальность. А какое еще оружие мог использовать стрелок? Они точно знали, что выстрел произведен полуоболочечной пулей, которую обнаружили в полу сцены всего в трех метрах от того места, где стоял Алекс Кинг. Потом еще, конечно, результаты вскрытия. Но что оно могло показать? «Смерть наступила путем проникающего ранения головы»? Оставалось одно – подробнейшим образом изучить жизнь Клаэса Юнггрена.

– Как все это воспринял тот докладчик? Как его... Кинг, – спросил Хельмарк, переключая бумагу на письменном столе.

– На удивление спокойно. Держался хорошо, хотя он, вероятно, единственный, кто видел, как голову Юнггрена разнесло на куски. Полагаю, он был в шоке, когда я с ним разговаривала.

– Значит, нужно повторить беседу, когда он придет в себя. Допроси его еще раз.

– Не хочешь сам с ним побеседовать?

Хельмарк покачал головой. Они помолчали. Нечасто такое громкое убийство происходит в публичном месте. Ситуация экстраординарная. Кто знает, чем все это кончится?

– Я возьму на себя жену Юнггрена, – сказал комиссар, когда Нина направилась к двери.

Как только она ушла, Хельмарк достал из кармана мобильный телефон и внимательно посмотрел на экран. Ничего. Он нахмурился и набрал все тот же номер, по которому звонил вот уже два дня. Поднес трубку к уху и стал слушать гудки.

Никто не отвечал. Опять. Автоответчик не включался. Комиссар полиции сбросил звонок и убрал телефон в карман.

Все это в высшей степени странно. Абсолютно все.

* * *

Юнггрен закончил Стокгольмскую школу экономики в начале восьмидесятых, и вскоре его взяли на работу в «Голдман Сакс» в Лондоне – один из старейших и наиболее пафосных банков. На первую премию он купил себе «Феррари» и, по некоторым данным, на момент смерти по-прежнему хранил эту машину как добрую память. Уже в возрасте тридцати Юнггрен

зарабатывал по пять миллионов в год. В Лондоне он пробыл десять лет, а когда вернулся домой, карманы у него были набиты деньгами.

Вернувшись в Швецию, бизнесмен купил себе роскошный дом в Юрскольме и принялся развивать сеть связей. Вместе с несколькими другими солидными инвесторами он создал в начале девяностых брокерскую компанию в интернете. Уже на раннем этапе Юнггрен прекрасно понимал его возможности. И когда настал бум интернет-услуг, он контролировал шестьдесят процентов рынка.

Часть своего капитала Юнггрен направлял на то, чтобы покупать и продавать компании, нередко с большой выгодой. Он был классическим венчурным капиталистом – то есть подходил к задаче увеличения доходности без всяких эмоций. Случалось, увольнял тысячи сотрудников, чтобы максимально повысить ценность компании, прежде чем перепродать ее.

«Пожалуй, на этого парня наточено много зубов», – подумал комиссар полиции, изучив биографию убитого в «ИнфраСити».

Хельмарк взглянул на список контактов Клаэса Юнггрена – он казался бесконечным. Тот старался навести мосты с каждой мало-мальски значимой личностью в мире бизнеса. Многие считали, что он их надул. Ходили истории о том, как целые семейства оставались без крыши над головой из-за сделок Юнггрена. Кто-то даже кончал жизнь самоубийством, разорившись на его предприятиях.

Хельмарк вздохнул, смотря на перечень тех, кого предстояло допросить. Придется работать сверхурочно, никаких сомнений. Первым номером значился сосед Юнггрена, который, по некоторым данным, лишился пятисот миллионов. Вторым – директор банка, вложивший все деньги в предприятие в Польше, не прочтя примечание мелким шрифтом в договоре. Он потерял все, буквально до последней рубашки.

«Вот уж кто точно в бешенстве», – отметил Хельмарк, с прищуром глядя на фамилию этого человека. Надо бы взять его на карандаш.

Пока комиссар пробирался дальше по списку, за окнами наступили сумерки. Ясно, что расследование будет окружено исключительным вниманием – начальства, прессы и общественности, так что права на ошибку нет. Он засадил четырех следователей на проверку прошлого Юнггрена, чтобы потом решить, в каком направлении продвигаться следствию. Малейшая оплошность будет на виду.

Пока ситуация выглядела мрачно. Каждый раз, когда кто-нибудь из них звонил одному из знакомых Юнггрена, чтобы получить сведения, список его недоброжелателей пополнялся новыми именами.

* * *

Родился в Стокгольме в 1973 году, стало быть, ему скоро тридцать восемь. Проживает на улице Каптенсгатн – в центре города. Неплохо.

Нина оторвалась от досье и забила в «Гугл» имя Алекса Кинга. Первой же строчкой выпал его сайт – краткое резюме, области работы. Ничего интересного. Там же фигурировала ссылка на сайт фирмы «Тим коммьюникейшн АБ», в их рядах значилось десять консультантов. Так он – наемный работник. Неожиданно.

В «Фейсбуке» Алекса Кинга не оказалось, зато в «ЛинкдИн» у него было очень много контактов: более пятисот. Перед ней явно человек, придающий большое значение нужным связям, тем, которые ведут к новым сделкам. Это может оказаться полезным в расследовании, тем более он знал, кто такой Клаэс Юнггрен. Пришло время назначить ему встречу в участке.

* * *

Наемница включила телевизор. В новостной программе «Актуэлльт» сказали, что на месте преступления обнаружено оружие, однако полиция отказалась сообщить, какой марки. Тоже мне, секретные сведения.

Журналистам удалось собрать несколько рассказов свидетелей. Администратор говорила бессвязно и постоянно кивала как китайский болванчик. Вообще непонятно, зачем у нее взяли интервью. Другая женщина сказала, что смотрела в потолок и вдруг увидела движение. Возможно, это крался убийца. Как же ты меня увидела, дорогуша, или у тебя глаза на затылке? Мужчина в розовой рубашке поведал, что сидел совсем близко от убитого, что он пребывает в тяжелом шоке и чуть сам не последовал той же дорогой. Теперь о ночном сне можно только мечтать. Бедняжка.

«Если б я хотела тебя убить, ты был бы стопроцентно мертв», – подумала женщина.

В «Раппорт» сказали примерно то же самое. На четвертом канале ничего нового не добавили. «Си-эн-эн» тоже подняли тему убийства, но их куда больше интересовала личность убитого. Их волновал мужчина, который намеревался выкупить назад «Вольво» у американской компании «Форд». Побродив по другим телеканалам, она так и не нашла ничего интересного.

Номер отеля в центре города был маленький, но уютный. Ковры старые, зато пушистые, с длинным ворсом, какие редко встретишь в гостиницах. Мебель из темного дерева. Кровать жесткая, но она предпочитала именно такие.

Легкой походкой женщина направилась в душ – чтобы хоть чем-нибудь заняться. Скучно просто ждать. Однако ничего не поделаешь – нужно какое-то время отсидеться и не высовывать носа.

Риск, что кто-то найдет ее и свяжет с убийством, был если и не равен нулю, то настолько низок, что им можно было бы и пренебречь. Тот факт, что она женщина, уже вывел ее из списка подозреваемых большинства полицейских в стране. Ни у одного копа не хватит фантазии задуматься, какого пола разыскиваемый киллер: в их скудоумном понимании это всегда крепкий мужик а-ля бывший морпех. Пусть так и думают.

Она повесила свою одежду на сушилку для полотенец. Блузка, брюки. Носки. Бюстгальтер и трусики.

За свою карьеру наемница уже ликвидировала двадцать шесть человек. У людей бывают разные таланты, у нее – вот такой. Хорошая работа за хорошие деньги.

Зайдя в душ, она включила воду. Горячие струи приятно заскользили по телу.

Очень хорошие деньги.

Глава 6

Габриэль Хельмарк молча разглядывал женщину, сидевшую перед ним. Волосы у нее были сильно обесцвеченные, почти белые, уложенные в безупречную прическу. Скулы, обтянутые бледной кожей, тонкие бескровные губы – лицо ее напоминало череп. Ни единого грамма жира. Руки такие тощие, каких он еще не видел у взрослого человека. Комиссар порадовался, что не протянул ей ладонь для приветствия: мог бы переломать ей все пальцы, сам того не заметив.

Казалось, она никогда не перестанет плакать. Тушь стекала ручьями по щекам. Он все понимал, но уходило бесценное время, не может же он вот так ждать до вечера. Пока женщина сморкалась и вытирала глаза, Хельмарк огляделся. Квартира не поражала взгляд кричащей роскошью, однако все материалы наверняка дорогостоящие. И площадь внушительная – комнат на десять. Впрочем, чему удивляться, Клаэс Юнггрен почти три десятилетия был воротилой в финансовом мире.

Комиссар полиции деликатно кашлянул.

– Госпожа Юнггрен, я обязан задать вам несколько вопросов. Но если вы не в состоянии, может быть, я зайду в другой раз?

Бледная женщина отрицательно покачала головой.

– До завтра мне легче не станет. Давайте сейчас.

Наконец-то.

– Скажите, были ли у вашего мужа враги?

Казалось, реплика взята из шаблонного детективного сериала, где суровый полицейский, понизив голос, допрашивает жену погибшего.

– В огромных количествах, – ответила Сара Юнггрен.

– Понимаю, – проговорил комиссар, хотя на самом деле ничего не понимал. Более всего ему хотелось взять быка за рога и спросить, был ли среди них кто-нибудь, кто ненавидел ее мужа настолько, что решился пристрелить его на глазах у пятисот зрителей. Но так нельзя. Придется ходить вокруг да около.

– Вам сейчас тяжело, – проговорил он. Что за дурацкая фраза? Конечно, тяжело. Он совершенно не умеет проявлять сочувствие.

Сара Юнггрен всхлипнула.

– Мне-то ладно, а вот Линде...

Пауза. Хельмарк ждал продолжения. Ничего не последовало.

– Кто такая Линда?

– Наша дочь. Она уже давно живет в Лондоне. Это ужасно...

– Как она все восприняла?

– Они собирались встретиться впервые за пять лет. Линде было семнадцать, когда она уехала от нас. И с тех пор отказывалась общаться с Клаэсом.

Габриэль Хельмарк поднял брови. Уже что-то.

– А причины?

– Долгая история. Отчасти это связано с его нелিপеприятным поведением. Линде все это до смерти надоело, и она уехала. Мне бы не хотелось обсуждать это в подробностях.

– А как отреагировали вы?

– Дочь поступила так, как считала нужным. А с Клаэсом мы уже давно не общались по душам. По крайней мере, друг с другом.

– Но все же теперь они собирались встретиться? – осторожно проговорил комиссар.

Сара Юнггрен сделал рукой жест, который он не смог истолковать. Нервное, пожалуй.

– Поначалу я подумала, что у нее кончились деньги, но потом мне показалось, что она действительно хочет повидать отца. Не могу точно сказать, с чем это связано, но оба они были довольно радостными. Словно и не было этих пяти лет.

Сара замолчала и поднялась. Медленным неверным шагом подошла к одному из высоких окон. Таким медленным, каким идут люди, пытающиеся скрыть, что пьяны. Ее плечи чуть заметно дрожали.

Хельмарк без стеснения наблюдал за ней.

– Кажется, я никогда еще не видела Клаэса таким довольным, как в последнюю неделю... – она говорила тихо, словно разговаривала сама с собой. – Он человек многоликий... Был... Вы сами в этом убедитесь, когда начнете наводить справки. Но на этот раз впервые за много лет я видела в нем чувства, которые показались мне неподдельными. Он радовался, что увидит Линду. По-настоящему. А потом...

– А потом случилось вот это, – закончил Хельмарк.

– Кто это сделал? – спросила Сара на удивление громко и требовательно.

От неожиданности комиссар закашлялся и встал. Ну откуда ему знать?

– Пока слишком рано говорить. Есть кто-то, на кого вы бы могли подумать? Хотя бы несколько имен?

Сара Юнгтрен покачала головой и обняла себя руками за плечи.

– Нет. Это может оказаться кто угодно.

Хельмарк уже было направился к двери, но все же решил уточнить.

– Чисто для протокола: ваш муж составил завещание?

– Пока не знаю. С Клаэсом ни в чем нельзя быть уверенной.

* * *

Сегодня Алекс остался работать дома. Он сидел на кухне, глядя на обед, к которому едва притронулся: ему не удалось проглотить больше двух кусочков. У еды, ко всему прочему, был вкус картона. Интересно, как скоро он сможет вновь наслаждаться пищей? Ему всегда нравилось хорошенько заправиться.

Этой ночью он спал относительно нормально. Шок так и не наступил. Клаэс Юнгтрен с простреленной головой решил не посещать его в кошмарах – наверное, благодаря вчерашнему вину, которое уже дома он довершил еще одной порцией двойного виски. Весь пятизначный счет в «Гриле», к слову, оплатил Берт Ландин из адвокатского бюро. Хотя что-то хорошее за тот злосчастный день.

У Алекса зазвонил мобильный телефон, лежащий рядом на столе. Он вздрогнул. Высветился незнакомый номер.

– Алло?

– Алекс Кинг? Это Нина Мандер. Когда вам было бы удобно подъехать к нам в участок? И теперь – что-то хорошее уже за сегодня.

В полиции Алекс появился около трех, одетый в простой темный костюм без галстука. Стандартный имидж консультанта.

Здание полицейского управления отнюдь не было архитектурным шедевром. Семь этажей, окна на первом забраны решетками. Остановившись на широкой лестнице, ведущей к главному входу, он задумался – действительно ли там находятся камеры, или же решетки нужны для того, чтобы стекла не побили камнями?

Он сообщил о своем прибытии внутрь большой застекленной будки. После того как его фамилию сличили со списками приглашенных и позвонили тому, кто его вызвал, молчаливый полицейский провел его по бесконечным извилистым коридорам. Алекс понадеялся, что потом ему помогут найти выход.

Нина вышла в коридор ему навстречу с едва заметной улыбкой, они поздоровались. Алексу понравилось, как уверенно она пожимает руку: в мире полицейских-мужчин ей, должно быть, постоянно приходилось самоутверждаться.

Они уселись в серой и унылой комнате для допросов, той самой, с зеркалом Гезелла. Инспектор включила диктофон и произнесла дату, время и его имя.

По спине Алекса прошлись мурашки: конечно, он всего лишь свидетель, но, возможно, еще полчаса назад на его месте сидел какой-нибудь маньяк. Интересно, а с другой стороны зеркала кто-нибудь наблюдает?

– Пожалуйста, расскажите, что вы помните о событии? – спросила Нина.

Он повторил сказанное в «ИнфраСити» и добавил:

– Мне показалось, что я видел, как под потолком что-то сверкнуло. За минуту до выстрела. Может, за две. Но я был так сосредоточен на том, что собирался сказать... даже не отреагировал.

– Сверкнуло? Это мог быть отблеск прожектора?

– Мог.

– Зеркало? Фонарик?

– Возможно. Собственно говоря, я не знаю. Но это вполне могло быть и отражение света в оптическом прицеле.

Алекс тут же почувствовал себя дураком. Чтобы попасть в человека с такого расстояния, оптический прицел настоящему снайперу, скорее всего, не нужен.

Нина не обратила никакого внимания на его комментарий.

– Что вы можете сказать по поводу людей, сидевших вокруг Юнгтрена?

– Собирательный образ типичного корпоративного клиента, с которыми я общаюсь целыми днями. Ничего особенного.

Инспектор приподняла бровь, ожидая пояснений.

– Те, кто приходит на мои семинары или лекции, обычно одеты в дорогие костюмы и безупречно отглаженные рубашки, у них элегантные сумочки и дорогие часы. Стрижка стоит тысячу, если это мужчина, если женщина – то три.

Он перевел дух. Он чувствовал, что его понесло, но остановиться было трудно.

– Смеются там, где надо, много улыбаются, соглашаются с тем, что я говорю, одновременно озабочены тем, что подумают коллеги. На семинар они приходят, потому что их попросил сходить начальник. Он – а обычно это мужчина – считает, что дешевле и проще всего отправлять их раз в год на повышение квалификации.

– Дешевле, чем по-настоящему руководить ими? – улыбнулась Нина.

Алекс кивнул.

– Именно. А сам он отменяет свое участие за несколько часов до начала, потому что всегда находятся более важные дела. Таким образом, даже и не пытается измениться.

– Подумать только, – проговорила Нина без тени заинтересованности. – Давайте вернемся к делу. Кто-нибудь передвигался по залу больше, чем другие?

Алекс задумался, глядя в пол.

– Нет.

– Кто-нибудь смотрел на Юнгтрена?

– Они смотрели на меня, – ответил он, слегка пожимая плечами.

– Да, вы были героем дня... Часто выступаете с лекциями?

– Перед такой большой аудиторией – пару раз в году.

Она что-то записала, хотя диктофон продолжал работать.

– Стало быть, испортили ваш звездный час?

Так ли это? Алекс подумал о многомесячной подготовке, о том, как он нервничал в последние дни перед выступлением. Конечно, это просто работа, однако Нина права. Чудовищный срыв. Он снова пожал плечами.

– После такого трудно удержать внимание публики. В целом – да, жаль такой яркой увертюры.

– Яркой увертюры? – переспросила Нина, поднимая на него глаза.

В самом деле, что он такое сейчас ляпнул?

– Я имею в виду мощное вступление, пробуждающее у публики интерес к теме лекции.

– И какова она была?

Он смутился, произнося это вслух.

– «Кругом одни идиоты».

Когда он только придумал эту фразу, она показалась ему гениальной. Теперь, задним числом, это звучало плоско и глупо.

Инспектор даже не улыбнулась.

– М-да, видно, это срабатывает, судя по числу слушателей. Что вам известно о Клаэсе Юнгтене?

– Его звезда взошла в восьмидесятые. Финансист. Венчурный капиталист. Масса недоброжелателей. Я знаю лишь то, что известно широкой общественности.

Нина кивнула. Похоже, он не сказал ничего нового.

– На чем вы намерены сосредоточиться при расследовании?

Инспектор полиции строго посмотрела на человека, сидящего напротив.

– Об этом я не могу рассказать.

– Конечно. Извините.

Они еще немного обсудили содержание его лекции – Алекс не мог понять, чем это поможет расследованию. Хотя такое внимание ему только льстило. А потом Нина чуть ли не на середине фразы внезапно поднялась и указала ему на выход.

* * *

Нина перечитывала распечатку беседы – не допроса, напомнила она себе, – с Алексом Кингом. Обычно ей не нравились консультанты: они без конца болтали, сыпали обещаниями и постоянно пытались в чем-то убедить. Она сильно сомневалась в их способности реализовать все то, что было на словах. Однако господин Кинг не пытался произвести на нее впечатление и заболтать. Она привыкла, что мужчины в ее обществе распускают хвост, но этот вел себя очень сдержанно. Казалось, он прекрасно умеет держать себя в руках. Допрашивать такого – одно удовольствие.

Когда они говорили о содержании его несостоявшейся лекции, Нина невольно заинтересовалась. Понятное дело, что это выходило за рамки профессиональной беседы, но, похоже, этот Алекс Кинг действительно разбирался в людях, в их типажах и мотивах поведения. А это может оказаться полезным.

«Определенно, потребуется еще одна беседа», – с удовольствием подумала Нина и переключилась на предстоящую встречу с дочерью Юнгтена.

Глава 7

– Вы обязаны найти убийцу отца! И как можно быстрее! Пока наша жизнь не превратилась в сущий ад!

Линда Юнгтрен говорила на повышенных тонах, и Габриэль Хельмарк понимал ее. Они с Ниной сидели в квартире родителей Линды. Мать спала – по словам дочери. Или же напилась. И было с чего: новость об убийстве вызвала в СМИ своеобразную коллективную эрекцию. Скандальное, профессионально исполненное убийство. Оружие намеренно оставлено на месте преступления. Жертва – известный финансист. Комиссару Хельмарку пришлось, в полном соответствии с инструкциями полицмейстера Микаэля Ульвгрена, отвечать на все вопросы журналистов. А их было много – все они кричали наперебой, тыкали ему в лицо микрофоны и объективы фотокамер.

«У нас имеются некоторые улики», – это была чистая правда.

«Мы надеемся в ближайшее время задержать убийцу», – неправда.

«Мы хотели бы обратиться к общественности», – отчасти правда. На самом деле это только создает проблемы. В Стокгольме полно сумасшедших.

Сидя в гостиной Юнгтренов, комиссар с содроганием отмахнулся от воспоминания о толпе этих стервятников из СМИ.

– Насколько я понимаю, вы довольно давно не встречались. И на то были весьма нелицеприятные причины.

Линда прищурилась.

– Кто вам такое сказал? Мать разболтала?

– Да.

Девушка глянула через плечо, словно ожидая увидеть хозяйку квартиры в дверях гостиной. Но ее там не было.

– Это правда? – спросил Хельмарк.

Линда кивнула.

– Пять лет. Собирались увидеться на следующей неделе. Он хотел приехать в Лондон и остановиться у меня. В последнее время мы с ним снова сблизились, несмотря на... Нелицеприятные причины.

Хельмарк поерзал на стуле – с его габаритами ему редко удавалось устроиться с комфортом. Нина что-то записывала в блокнот.

– Почему вы так давно не виделись? Ваша мать не давала никаких подробностей.

– Какое это имеет значение? Вряд ли это стало поводом к тому, что отца... – она запнулась, глядя прямо перед собой, – убили.

Сколько вариантов она мысленно перебрала, прежде чем остановилась на слове «убили»? «Убрали»? «Устранили»? «Казнили»? «Заказали»?

Комиссар откинулся на спинку стула – та жалобно затрещала.

– Мы хотим найти виновного, поймите.

Некоторое время Линда Юнгтрен разглядывала свои туфли, потом проговорила:

– Эти нелицеприятные причины... Они ведь все равно выяснятся, да?

Хельмарк кивнул. Конечно.

– Отец был из тех, кого называют бабниками. Ни одной юбки не пропускал. Это тайна, о которой знали все. Он трахался с женами большинства своих деловых партнеров.

Девушка отвернулась к окну, словно ее крайне заинтересовала серая хмарь, повисшая снаружи.

Полицейские молча ждали.

– В последние недели с ним словно что-то случилось. Отец позвонил мне. Он делал это и раньше, но я никогда не отвечала. Он всегда оставлял мне на автоответчик поздравления в мой день рождения, но я не перезванивала.

Линда потерла ладони – в комнате было холодно. Пожалуй, мерзла она не только снаружи. Между ее бровей пролегла морщинка.

– Почему же в этот раз вы перезвонили? – подала голос Нина.

– Точно не знаю. Но голос у него звучал... по-другому. Не могу объяснить. Он попросил меня связаться с ним. Он говорил это и раньше, но на сей раз это прозвучало искренне.

– Он показался вам другим, не таким, как обычно? – уточнил Хельмарк.

Девушка кивнула.

– Звучит странно, но отец был куда более внимательным и заботливым, чем обычно. Ну... Как отец, понимаете? Спросил, как у меня дела. Заметно было, что он слушает, что ему интересно. Раньше такого не было. Но причин этих перемен я не знаю.

– Линда, – проговорила Нина. – Как мы поняли, у вашего отца были недруги.

Дочь Клаэса Юнгтрена фыркнула и слегка ухмыльнулась. Само собой.

– Как вы думаете, кто за этим стоит?

Она покачала головой, мысленно отметаая какие-либо варианты.

– Понятия не имею. Это может быть кто угодно.

* * *

Неизвестный номер.

– Алекс Кинг слушает.

– Добрый день, это Юнссон с четвертого канала. Правда ли, что вы единственный, кто видел, как Юнгтрена выстрелом снесло череп?

Алекс глубоко вдохнул и покрутился на стуле. Он сидел за своим рабочим столом в офисе в Веннер-Грен-центре. Ему и в голову не приходило, что им заинтересуются СМИ. Положив руку на столешницу, он забарабанил по ней пальцами. Каков правильный ответ?

– Не уверен, что мне есть что сказать по этому поводу.

– Понимаю, не телефонный разговор, – не унимался Юнссон. – Завтра утром мы собираем в студии гостей, и ваше присутствие разбавит дискуссию. Такое громкое дело! Вся Швеция посмотрит на вас через свои экраны.

В студии? Алекс приложил руку ко лбу. Ему нечего сказать. И он не уверен, что вообще имеет право что-либо говорить.

– Боюсь, я мало чем могу быть полезен. Ничего существенного я не...

– Придет шеф национальной полиции, Лейф Перссон. И вдова покойного. Будет интересно!

Алекс сжал зубы. Они же как слепни, эти телевизионщики: раз присосутся – не избавиться. Он встал, отряхнул с пиджака невидимые пылинки. Жена Юнгтрена, должно быть, до сих пор пребывает в шоке. О чем они думают? Наверное, этот Юнссон из той же породы, что и те, кто снимал развороченный труп на свои мобильные телефоны. Те, кто останавливается посмотреть, если случилась авария на дороге, и уходят разочарованные, когда не застают ничего по-настоящему кровавого.

– Это предложение меня не интересует.

– Подождите! Вы меня неправильно поняли. Мы хотим воссоздать полную и правдивую картину случившегося. Нам нужны все, кого так или иначе затронуло это событие. Приятель, вы ведь теперь страдаете бессонницей, а? Выговоритесь! – выпалил Юнссон.

Алекс еле сдержался, чтобы не швырнуть мобильник в стену.

– Спасибо, но мой ответ «нет», – ответил он резко и сбросил вызов. Стервятники.

После этого он отключил телефон.

* * *

Габриэль Хельмарк вытер рот салфеткой и выкинул остатки безвкусного липкого салата в корзину для бумаг. По служебной почте постоянно приходили сообщения о том, что выбрасывать пищевые отходы в офисных помещениях ни при каких обстоятельствах нельзя. Это антисанитария, возникают проблемы с мухами и муравьями. Подобное пренебрежение правилами утилизации приводит к... Да по барабану, к чему оно приводит. Им лишь бы придрататься и установить свои порядки.

Габриэль прикрыл пластиковую тарелку листом бумаги. Вот. Не видно – значит, не существует.

Комиссар в сотый раз набрал знакомый номер на мобильном, подождал. По-прежнему нет ответа. Куда, черт подери, подевался этот фигляр? Хельмарк не желал в этом признаваться, но тревожный звонок внутри уже прозвенел. Это отклоняющееся поведение. Пусть он и разиня, но он всегда отвечал на звонки. Всегда.

Вздыхнув, Хельмарк убрал мобильник в карман. Начинать бить тревогу и что-то предпринимать, или рано?

В дверном проеме возникло знакомое лицо.

– У меня для тебя подарочек, – сказал Нильсон, один из следователей группы Хельмарка, и положил шефу на стол лист бумаги.

Взгляд комиссара упал на заголовок: «Почему Клаэс Юнггрен должен был умереть». Интересно.

– Курьер привез десять минут назад.

– И где ты болтался целых десять минут? – рявкнул Хельмарк.

Начав читать, он почувствовал, как напрягается каждая мышца в теле.

«Три месяца назад Клаэс Юнггрен получил требование выплатить двадцать пять миллионов крон в обмен на охрану своей неприкосновенности до конца жизни. Несмотря на неоднократные напоминания, платить он отказывался. Согласно установленным условиям, бизнесмен должен был умереть, если не заплатит. Поскольку в течение всего срока он отказывался удовлетворить требование, месяц назад он получил уведомление о том, что будет убит. Юнггрен продолжал игнорировать требование, в связи с чем мы казнили его в Уппландс-Вэсбю в среду 13 апреля 2010 года. Была использована винтовка „Блазер Тактикал 2“, которую позднее обнаружили под потолком в большом конференц-зале в „Скандик ИнфраСити“. Мы использовали полубололочные пули».

Габриэль Хельмарк сидел, уставившись на бумагу, как баран на новые ворота. Какая наглость! Принесли к нему в участок, положили ему на стол!

«Мы казнили его».

Мы.

Как, черт подери, они прознали, какая была винтовка?

Мы использовали полубололочные пули.

Такие детали полиция вообще никогда не предает огласке, пока ситуация не становится безвыходной.

Комиссар поднял глаза на Нильсона.

– Сколько человек это видели?

Нильсон пожал плечами.

– Я. Ты. Дежурный. Хольмгрен из второго отдела проходил мимо, когда я читал.

– Приведи их сюда. Быстро!

Из прежних конфликтов с Хельмарком Нильсон давно сделал выводы – и исчез мгновенно. Комиссар почесал затылок и перечитал письмо. Кто-то в здании допустил утечку информации, и сейчас надо поскорее пресечь это безобразие. Никаких разговоров, никаких шушуканий по углам. Как знать, какие сведения еще сольют? А если все же...

«...выплатить двадцать пять миллионов в обмен на охрану своей неприкосновенности...»

Хельмарк помотал головой. Он сомневался, что письмо настоящее. Разве жена Юнгтрена не сказала бы им, что ее мужу угрожали? Но Сара могла и не знать. Они же давно «не говорили по душам».

Какому-то психу просто повезло. Гадал – и угадал. Сколько еще подобных писем придет в участок?

Зазвонил стационарный телефон.

– Мы только что получили письмо о казни Клаэса Юнгтрена. В нем говорится, что вы обнаружили винтовку висящей под потолком. Вы можете это прокомментировать?

Руслунд из «Афтонбладет». Кто же еще.

Хельмарк крепче сжал трубку.

– Я не комментирую ход расследования, и вы это знаете! – выпалил он, чувствуя, как дыхание его становится тяжелее.

Руслунд понизил голос.

– Получается, что это «Блазер Тактикал 2». Вам не кажется, что это, так сказать, «пальба из пушки по воробьям»? Мощная штуковина-то!

Хельмарк швырнул трубку. Но не успел он проанализировать случившееся, как телефон зазвонил снова.

– Слушаю! – рявкнул комиссар.

– Дальгрэн, «Свенска дагбладет». Вы не могли бы прокомментировать письмо, только что доставленное нам? Насколько мы поняли, вы получили такое же? Речь идет об убийстве Юнгтрена, Клаэса Юнгтрена. Утверждается, что его казнили из-за долга в двадцать пять миллионов. Как вы прокомментируете это?

– Никак.

– Что значит – «никак»?

– Я не комментирую ход расследования!

Хельмарк положил трубку мимо аппарата, чтобы больше никто не мог дозвониться. Потом вытащил из кармана мобильный, чтобы отключить и его. Пока он держал его в руках, телефон зазвонил – неизвестный номер. Да идите вы все к черту.

– Шеф, – в дверях возник Нильсон, приведя с собой сотрудников, которые видели злощастное письмо.

– Забудьте, – сказал комиссар и махнул рукой, чтобы все они уходили. Это уже не имеет значения.

Пожав плечами, Нильсон вытолкал своих коллег из его кабинета. Он знал, что расспрашивать шефа бесполезно.

Глава 8

В малом конференц-зале полицейского управления стояли шаткие столы в форме подковы, а по центру перед белой доской расположился Габриэль Хельмарк. Рядом с ним стоял проектор – осколок давно ушедшей эпохи. У двери когда-то давно распорядились поставить диспенсер с водой, которую меняли примерно раз в полгода. Одна лампа дневного света свисала криво, другая не горела совсем, третья мигала раз в три секунды.

Комиссар оглядел свою группу – пять человек с блокнотами в руках. На задворках, в стороне от всех, сидел полицмейстер Ульвгрэн. В его присутствии не было ничего странного: начальник имел право вникать во все, во что только пожелает вникнуть. Но от этого Хельмарк чувствовал себя так, словно его проверяют.

Йоранссон – пожилой следователь, которого по состоянию здоровья давно должны были положить в больницу до конца его дней. Ходячий инфаркт. Сундстрём, напротив, был молод, ему только исполнилось двадцать пять. Парню следовало бы еще поработать в патруле, но его уже засунули в следственную группу. Нильсон – примерно ровесник Хельмарка. Он всегда был осторожен в выводах, и что-то в его поведении дико раздражало комиссара. Хотелось его порой встряхнуть и посмотреть, что из него посыпется. Ближе всего к Хельмарку сидела Нина – вне всяких сомнений, надежда группы. Он сам принял ее на работу. К любой задаче она подходила методично, но не бездумно. Она знала непреложные правила и знала, что будет лучше для дела – соблюсти их неукоснительно или пойти в обход. И, наконец, Корель – полицейский старого образца, хотя ему не исполнилось и сорока. Такого лучше всего посылать опрашивать свидетелей. Его интеллектуальный спектр оставлял желать лучшего.

Пора начинать мозговой штурм. Хельмарк нажал на кнопку в ноутбуке, и на экране возникло злосчастное письмо.

– Нам известно, что газеты получили такое же, – он повернулся к экрану. – Что мы можем сказать по поводу письма?.. Йоранссон.

– Стандартная бумага, – проговорил тот хриплым голосом. За последние сорок лет он сделал кассу не одной табачной компании, прежде чем его жене каким-то чудом удалось заставить его бросить. – Стандартный принтер. Стандартные чернила. Никаких отпечатков пальцев. Привез курьер службы доставки. Они ничего не знают. Счет оплачен предприятием, которого нет в реестре, расположенным по несуществующему адресу. В общем, здесь глухо.

– Что мы можем сказать по поводу самих формулировок? – комиссар указал на другого следователя, чувствуя себя учителем на уроке. – Сундстрём.

Тот почесал коленку и поднял на шефа ясные наивные глаза. Ни дать ни взять – олененок Бэмби, чтоб его.

– На самом деле – ничего. Стиль изложения сухой, почти формальный. Так пишут всякие юристы и чиновники. В письме просто отражена последовательность событий. Никаких эмоций.

Он чуть отодвинулся на стуле и указал на экран.

– «Согласно установленным условиям бизнесмен должен был умереть, если не заплатит». Здесь легко было бы начать обзывать его всякими нелестными прозвищами. Например, я слышал, что его фамилию коверкали как Свин-ггрен. Но здесь ничего такого нет. Только констатация фактов. Если не заплатит – умрет, все предельно ясно. Как будто речь об условиях обыкновенного договора.

– И оно точно настоящее? – спросила Нина.

Над этим вопросом Хельмарк бился весь день. Это все всерьез? Или чья-то идиотская шутка? Какой-нибудь псих, желающий привлечь к себе внимание?

– По моей оценке, письмо настоящее, – сказал Сундстрём. – Обычные сумасшедшие куда эмоциональнее. Они берут на себя ответственность, присваивают чужие заслуги. Ну и... то же самое можно сказать куда более резкими выражениями. Обычно же так делают. – Он запнулся. – Или как?

Хельмарк что-то пробубнил себе под нос. Отметил, что Корель играет в телефоне.

– Ладно. Мы исходим из того, что письмо настоящее и его прислали те, кто действительно убил Клаэса Юнгтрена. Давайте поговорим о мотиве, – он огляделся. – Идеи?

– Э-э... – протянул Нильсон. – Они хотели денег, но не получили.

Комиссар посмотрел на свои руки, мешая им сжаться в кулаки, и подавил вздох.

– Это я понимаю. Меня интересуют мотивы. Почему нас и прессу проинформировали подобным образом. По каким причинам нам хотят рассказать, что дело обстоит так, а не иначе?

В конференц-зале наступила тишина. Все косились друг на друга. Кто-то постукивал ручкой по столу. Ей-богу, как на школьном уроке, где никто не выполнил домашнее задание.

– Бряцание оружием, – сказал полицмейстер Ульвгрен со своего места на задворках.

Хельмарк кивнул. Он не хотел признавать, что боссу что-то известно о настоящей полицейской работе. Его дело – бумажки. Но он был прав.

– Кто-то хочет, чтобы все узнали, что произойдет, если отказаться платить, – продолжал Ульвгрен.

– Все? – переспросил Нильсон. – Почему все?

– Наверняка другие богатые люди тоже подвергнутся шантажу. Из новостей они узнают, что будет, если отказываться платить. Какие условия предложили жертве? Охрану неприкосновенности жизни. Довольно размыто, не так ли? Это не шантаж конкретным компроматом, не угроза сорвать какую-то сделку. Деньги в обмен на жизнь.

Хельмарк почти восхитился ходом мыслей полицмейстера. Почти.

– Тогда мы должны узнать, кому еще угрожали.

Ульвгрен кашлянул.

– Скорее всего, сделать это будет непросто. В требованиях наверняка есть одно маленькое условие.

– «Не обращайтесь в полицию», – сказал Хельмарк.

– Когда они поймут, что это не пустые угрозы, мы окажемся не у дел, – продолжал Ульвгрен. – Эти люди могут заплатить. Двадцать пять миллионов – цифра уровня погрешности в расчете их личного состояния.

– Винтовка? – спросил Хельмарк.

Зашуршали бумаги.

Нина ответила:

– Куплена в оружейном магазине в Берлине. Человеком по имени Герхард Шрёдер, – она подняла глаза. – Ну да, тезка бывшего канцлера Германии.

– Нас разыгрывают? – спросил Корель.

– Кто-нибудь должен поехать туда и поговорить с сотрудниками магазина, – сказал Хельмарк. – Кто возьмет это на себя?

Сундстрём поднял палец.

– Хорошо.

Мозговой шторм еще какое-то время продолжался. Вроде бы все наводит на мысль об организованной преступности. Но что-то не сходится. Все слишком аккуратно, педантично. Никто из информаторов ничего не знал. За убийством Клаэса Юнгтрена вряд ли стоят разукрашенные татуировками гориллы, накачанные рогипнолом. Это сделал кто-то, кто великолепно умеет планировать каждый шаг – и достаточно хладнокровен, чтобы заявить о своем существовании.

Это расследование будет тяжелым.

* * *

Наемница застегнула лифчик и поправила лямки. Когда все закончится, она целый месяц будет ходить только в бикини. Теплые края давно ждут. Майами... А может быть, Индонезия. Или Марокко. Там она обзаведется любовником или даже двумя. В конце концов, у нее тоже есть потребности. Но здесь, в Стокгольме, заводить интрижку было опасно: в любой момент может позвонить заказчик. И тогда либо придется что-то выдумывать, либо устранять помеху. А это – очень много мороки ради нескольких бурных ночей. Непрактично.

Заказчик как раз только что позвонил. Возможно, будет еще одно задание. Возможно... Ну сколько можно ждать?

Наемница ответила, что в ее распоряжении как минимум две недели, но потом она уедет из страны. Такса прежняя. Они легко пришли к согласию – за всю свою карьеру она еще ни разу не встречала того, кто бы рьяно торговался о цене на жизнь. А просила она больше, чем в среднем по рынку. Ее никогда не задерживала полиция. Ее отпечатки пальцев не значатся ни в каких реестрах. Интерпол не подозревает о ее существовании. Это позволяло ей поднимать ценник.

За этот год у нее было четыре заказа. Простые, но хорошо оплачиваемые. В январе в Осло она устранила женщину, выстрелив из пистолета прямо ей в сердце. Она подошла к жертве вплотную, так что успела заметить на ее лице сильное удивление. В следующую секунду та упала ей на руки. Убийца положила женщину на землю и тихо удалилась – все дело на несколько секунд. Был вечер, народу на улице ходило немного. Кажется, тогда она сильно замерзла.

Вспоминая, она осознала, что это была первая женщина, которую ей довелось застрелить. Впрочем, какая разница? Умирают все одинаково – бесформенно оседая мясными тушами. Это просто работа. Никаких свидетелей, никаких следов – только недоумевающие копы и новостные заголовки со знаками вопроса.

Четвертой жертвой в этом году стал Клаэс Юнгтрен. Все было обставлено скандально, с этим не поспоришь. Со всех газетных киосков красовалась физиономия Юнгтрена, тут и слепой заметил бы. Но таково было желание заказчика.

И теперь в списке появилось новое имя.

* * *

– Так он совсем ничего не говорил о шантаже? – спросил Габриэль Хельмарк.

Его собеседница покачала головой. Взгляд ее был затуманен, глаза с запозданием следовали за движениями головы. Таблетки? Алкоголь? Что-то она точно приняла.

Комиссар повернулся к ее дочери, Линде Юнгтрен.

– А вам он что-нибудь говорил?

Девушка наморщила лоб.

– Напрямую нет. Но, как я уже говорила, его поведение сильно изменилось.

– Да, – проговорила Сара Юнгтрен. – Изменилось. Сильно.

Дочь взглянула на нее, и Хельмарк дорого бы отдал, чтобы понять, что означает этот взгляд.

– Мам, я так и сказала.

Линда повернулась к комиссару полиции.

– Отец говорил, что ему выпал шанс начать сначала. Якобы он решил больше не бороться за богатство, отойти от дел: понял, что есть вещи поважнее.

По этим словам у Хельмарка сложилось впечатление, что мужик ударился в религию или попал в какую-нибудь секту.

– Никаких намеков на то, что он имел в виду?

– Он хотел поговорить об этом, когда мы встретимся. Сказал, что покажет мне кое-что. Обхватив себя обеими руками, она поежилась и отвернулась.

Что можно начать сначала, если тебя собираются вскоре убить?

* * *

Алекс как раз вышел от клиента, занимавшего офис в одном из небоскребов на Свеавеген. В затылке тянуло, боль отдавалась в левом плече. Он похлопал себя по груди. Конверт по-прежнему лежал в кармане пиджака. Нет, сейчас тоже не время. К такому делу надо подойти в определенном настроении. И да, он трусил и избегал реальности, как ребенок: если зажмуриться, злая соседская собака исчезнет. Алекс мысленно обругал себя за нерешительность, но делать с этим все же ничего не планировал.

Игнорируя боль, он достал мобильный. Половина двенадцатого. Вернуться в офис? Прогуляться? Пообедать на скорую руку в «Паддан»? С того события в «ИнфраСити» (события?!) он никак не мог собраться. Как будто невидимая часть пули расколола и его самого на куски, только в отличие от Клаэса Юнггрена он этого не заметил.

Вертя телефон в руке, он заметил пропущенный звонок от Нины Мандер. Странно. Перезвонил – и она ответила сразу же.

– Как движется расследование?

– Вы же понимаете, что я не могу обсуждать это с вами.

– Но очень хотите, – пошутил он. Кажется, Нина не оценила его чувства юмора.

– Господин Кинг, у нас так мало зацепок, что я вынуждена по десятому кругу обходить свидетелей. Я знаю, вы вспомнили все, что могли. Но подумайте, вдруг есть еще что-то?

Алекс задумался. Нет, никаких деталей он больше не вспомнил. Разве что...

– Позвоните в «Линклейтерс», – сказал он, переходя улицу на зеленый. Звуковой сигнал светофора эхом отдавался на том конце провода.

– А что это? – спросила Нина.

– Адвокаты Юнггрена. Я точно знаю, что он был клиентом этой конторы. Вдруг они что-то знают.

В трубке зазвенела тишина, но вскоре инспектор отреагировала:

– Я не знала об этом. Так и сделаю, спасибо. Но откуда у вас такие сведения?

Он ухмыльнулся. Тот обед в «Гриле» все же прошел не зря.

– Знать такие вещи – моя работа, – сважничал консультант по коммуникациям.

После звонка Алекс решил, что проголодался, и направился к ближайшему ресторану. Пожалуй, он заслужил вкусный обед.

* * *

Менее чем через час Хельмарк и Нина сидели у Томаса Ньюберга, юриста и партнера адвокатского бюро «Линклейтерс». Их встретил дорогой и со вкусом обставленный кабинет: кожаные кресла, картины с изображениями яхт. Сам Ньюберг оказался довольно невзрачным мужчиной в очках, однако при шелковом галстуке и идеальной сорочке, на которой не было ни единой складки. «Педант», – подумал комиссар Хельмарк, как только зашел в его кабинет.

– Вы же понимаете, что я не имею права говорить об этом, – сказал Ньюберг. – Это адвокатская тайна.

– Учитывая характер преступления, было бы здорово избежать долгих юридических процедур, – произнес комиссар полиции, глядя в глаза Нюбергу. – Мы хотим задержать преступника как можно скорее. Разве вы этого не хотите? Ваш клиент мертв.

На адвоката его слова не произвели никакого впечатления: видно, тот легко распознавал манипуляции. Но не хуже он умел распознавать ситуации, в которых не следует проявлять упрямство.

Нюберг вздохнул.

– Его семья ничего не знает ни о каких угрозах? – спросил он.

Хельмарк и Нина одновременно покачали головами.

– У нас есть компьютеры Юнгтрена, – сказал комиссар, – так что в конце концов мы до всего доберемся. Но, как я уже сказал, хотелось бы сэкономить время.

– Ну хорошо.

Нюберг взял со стола тоненькую папку. Посмотрел на нее с отвращением, словно не знал, как с ней поступить, и протянул Хельмарку.

– Клаэс доверил мне вот это. Но мне мало что известно.

Внутри лежали четыре отпечатанных на принтере письма, все адресованы Клаэсу Юнгтрону. Пробежав глазами по текстам, комиссар резко вдохнул.

– Так-так.

– Я пытался посоветовать ему стратегию, – проговорил адвокат и развел руками. – Здесь довольно сложно выбрать верный путь. Но я пытался.

– Ну и что, помогли ему ваши советы?

Габриэль Хельмарк сердито поднялся и большими шагами вышел из элегантного офиса. Все юристы – скользкие гады. Посоветовать он пытался.

Нина, извинившись, поспешила за шефом, оставив Нюберга в недоумении.

* * *

– Откуда ты узнала, что Юнгтрен общался с этим клоуном? – спросил Хельмарк в лифте по пути вниз.

– Алекс Кинг подсказал, – ответила она и заглянула в папку. – Я решила опросить его еще раз, вдруг что вспомнит.

Все четыре письма Нина прочла со все возрастающим любопытством. Краткие, четко сформулированные, не оставлявшие места для разных толкований. В первом говорилось, что Клаэс Юнгтрен избран среди целого ряда кандидатов и ему предлагается заплатить двадцать пять миллионов крон за личную защиту. Деньги необходимо предоставить в течение двух месяцев. Шантажисты с пониманием отнеслись – тут она сделала паузу: да, там действительно было написано «с пониманием» – к тому, что ему необходимо подумать, а также раздобыть требуемую сумму. Далее – инструкции о том, что средства следует переслать на банковский счет на Антильских островах.

«А потом ищи-свищи их: никаких транзакций не отследишь», – подумала она.

– Тот самый консультант? Зачем ты с ним общаешься? Одни неприятности от этих болтунов. Только мозги запудрит.

Оторвавшись от писем, Нина рассеянно кивнула. Раздраженный шеф взрывоопасен, обращаться стоит деликатно.

– Он своеобразный. Не похож на шарлатана. Но зато знал, с кем вел дела Юнгтрен, чем очень нам помог, верно?

Хельмарк пробурчал что-то нечленораздельное. «Своеобразный»? Почему она так сказала?

Во втором письме с сожалением констатировался факт, что шантажисты не получили от Юнггрена должного ответа. Они интересовались, все ли тому понятно, и выражали готовность прояснить все спорные моменты. Заголовок письма выглядел так, словно оно было отправлено из налоговой: *Напоминание № 1*.

Дьявольщина какая-то. Третье письмо было схоже со вторым. Тон оставался корректным, и она поняла, что Юнггрен, должно быть, не воспринял его всерьез. Все слишком педантично и предельно вежливо. Так деньги не вымогают.

Четвертое письмо оказалось более занимательным. Заголовок гласил: *Решение*.

Поскольку Клаэс Юнггрен – далее следовал его личный страховой номер – проигнорировал напоминания, было принято решение осуществить его казнь в определенную дату. Указывалось также, какое будет использовано оружие.

Пугающая обыденность послания заставила Нину содрогнуться. Не хватало только оборотов вроде «наш сотрудник предварительно свяжется с вами за час до прибытия».

Выйдя из лифта на первом этаже, полицейские столкнулись с лавиной строго одетых сотрудников – у каждого в одной руке портфель, в другой – смартфон. Хельмарк проворчал: «Юристы...» – и поспешил выйти из здания на сторону улицы Рейерингсгатан.

– Возвращаемся в управление.

Нина на ходу захлопнула папку. В письмах не было типичного требования не обращаться в полицию. Однако Юнггрен не обратился. Возможно, он подумал, что это очередная сделка, которую он возьмет под свой контроль. Или же считал, что он бессмертен...

И что, если еще есть такие, как Клаэс Юнггрен?

Глава 9

Рогер Аксберг оглядел себя в зеркале. Хотя ему уже исполнилось пятьдесят, он был в отличной физической форме. Вполне потянет лет на тридцать. Рогер занимался кикбоксингом, два раза в неделю ходил в зал, чтобы не растерять мышечную массу. Он 24/7 соблюдал строгую диету. И в теплое время года бегал по несколько миль в неделю. Многие из его сверстников недоумевали, как он это все делает. Большинство же ломали голову – *зачем*.

Ответ на этот вопрос был прост. Аксберг любил поддерживать себя в иллюзии, что до «полтинника» ему еще жить и жить. А дата, которая стоит в его водительском удостоверении, – это всего лишь вселенская насмешка. Которую он с легкостью может проигнорировать.

Будучи женатым и имея уже взрослых детей, пару раз в месяц он отправлялся в бар и срывал там лучшие цветочки. Редко случалось, чтобы ему не удавалось привести в номер отеля женщину.

Иногда он доставал свою платиновую карту. В районе площади Стюреплан деньги работали лучше всего.

А деньги у Рогера Аксберга водились. Да он буквально купался в них! Ему повезло. В свое время сетевой покер пережил настоящий бум, и поскольку Рогер с молодости был опытным игроком, он прекрасно знал, как это работает. А со своими знаниями о сетевой торговле он довольно скоро прибрал к рукам всю отрасль.

Всего месяц назад Аксберг продал свой покерный бизнес американцам и получил за него триста миллионов. Наличными. Никаких акций в паршивой венчурной компании. Никаких ограничений вроде того, что он должен отработать два года в должности генерального директора.

Только чистый кэш. Деньги на бочку, приятель.

Триста миллионов.

Ладно, у других богачей этих миллионов значительно больше. Но Рогер Аксберг знал: если ему захочется, он может до конца своих дней не вставать с постели.

Триста миллионов!

Он уже начал тратить. Всего четыре недели как он внес деньги на свой счет (видели бы вы глаза сотрудника банка!), и уже на тридцать из них он купил квартиру. Три новых машины – совершенно без всякой необходимости. А заодно кругосветный круиз с семьей. Всех троих детей Рогер взял с собой, хотя считал, что такой милости заслуживает только один. Избалованные сопляки, не привыкшие напрягаться...

Еще он спустил неучтенное количество тысяч на неучтенное количество женщин.

Аксберг был доволен собой. Жизнь удалась.

И вот теперь кто-то хочет все испортить...

Рогер снова взглянул на письмо, которое лежало рядом на столике. Читая его, он поначалу не знал, что и подумать. Сперва показалось, что это какая-то реклама. Вскоре он понял, что у него выпрашивают денег: кто-то узнал о продаже бизнеса и решил отхватить дармовой кусок пирога.

«Поздравляем с удачной сделкой с „ПокерМастерс“!» – гласил текст письма. «ПокерМастерс» – компания, купившая фирму Рогера Аксберга. Конечно, сделка не была тайной, но и официальной огласке ее не предавали. Ни слова в газетах. И он тихо радовался этому, потому что покер по-прежнему считался сомнительным делом.

«Сегодня многие шведы находятся под серьезной угрозой. Мир становится все опаснее. Мы предлагаем стопроцентную защиту от внешних негативных воздействий».

Пока ничего странного. Кто-то пронюхал о его состоянии и хочет втюхать ему защиту. Установить в его доме дорожную сигнализацию и приставить к каждому члену семьи по безмозглому амбалу-охраннику. И заодно продать ему бронированный «Мерседес».

И только дочитав до конца, он понял, насколько ошибался.

«Мы ожидаем получить от вас пятьдесят миллионов крон на указанный ниже счет в течение четырех недель. Мы понимаем, что для этого могут потребоваться определенные приготовления, но за эту сумму мы обязуемся обеспечить вам полную защиту от внешних негативных воздействий на всю оставшуюся жизнь. Если же вы не примете наши условия, мы не сможем гарантировать вашу безопасность».

Нет, они не выпрашивают денег. Это самая настоящая угроза, черт побери.

Рогер Аксберг оделся. Часы показывали десять утра. Ему больше не надо спешить в контору. После тридцати лет упорного труда он наконец-то стал свободным человеком.

Пятьдесят миллионов.

Не один. Не пять, не десять.

Пятьдесят! Что за психи?

Рогер старался сохранить холодную голову. Как в покере. И есть два вопроса, на которые он должен найти ответ.

Первый: это все всерьез? Не какой-то дурацкий розыгрыш?

Он ведь читал газеты и видел, что случилось с Клаэсом Юнггреном. Жирные черные заголовки, сочные описания того, как у Юнггрена буквально снесло череп. Как убита горем его вдова. Как взрослая дочь приехала из Лондона, чтобы заниматься похоронами.

Аксберг потер подбородок. Разве с ним может случиться нечто подобное?

Однако второй вопрос был посложнее.

Что, бога ради, ему теперь делать?

Глава 10

Фредрик Хельмарк глянул на часы.

Модель «Супероушн» с куда более утонченным дизайном циферблата, чем у обычных «Брайтлингов». Внутри у них – тот же сложный механизм, который практически невозможно вывести из строя. Красота. Фредрик обожал наручные часы, у него их была добрая пара десятков. Забавно, учитывая, что он везде и всюду опаздывал. Он коллекционировал время, но не следовал ему.

– Успею, – заверил он Мартину, свою жену, и чмокнул ее в щеку.

Она обернулась, отложив кухонное полотенце, вздохнула и покачала головой.

– Не успеешь.

– Я мигом, туда-обратно, – пообещал Фредрик. – А потом во всем тебе помогу.

Ведь зал для игры в сквош совсем рядом. Десять минут езды, тридцать минут игры, включая душ, – и десять минут до дома. Куча времени в запасе.

– Ты ведь сама сказала, что мне надо двигаться. Вот я и стараюсь поддерживать себя в форме, – он обнял ее за бедра и легонько ущипнул за ягодицу. – Не все такие одаренные от природы, как ты. Я очень быстро.

– Мы еще даже не порезали мясо, – возразила жена. – И не сделали салат. Стол не накрыт. Цукини надо поставить в духовку. Ты не успеешь.

На пару секунд задержав дыхание, Фредрик тряхнул головой и поцеловал Мартину в лоб.

– Я буду вовремя, дорогая. Обещаю – я молнией.

Но его упрямая жена, которую он, разумеется, безумно любил, не желала сдаваться. Порой она бывала очень занудной.

– Гости придут через три часа. Если два из них ты будешь отсутствовать, мы провалим этот ужин. Мне нужны дополнительные руки.

Фредрик с улыбкой посмотрел на Мартину. Элегантная даже в кухонном фартуке, высокая, всегда ухоженная и собранная... И за что ему такое счастье?

– Ты ведь не поставишь мне в упрек то, что я слишком часто вижусь с Кристером? Полгода прошло!

Он склонил голову набок и снова улыбнулся, радуясь, как ловко сменил тему.

– К тому же речь идет не о двух часах, а об одном. Ну, максимум о полутора. Ты и не заметишь, что я уезжал! Ну все, я полетел. Люблю тебя!

Фредрик повернулся к стеклянной двери, ведущей на террасу. С той стороны на него смотрел черный кот. Зверь встал на задние лапы, а передними оперся на стекло. Фредрик сделал пару шагов к двери – кот тут же исчез. Он ждал Мартину. Стоит ей подойти, животина появится снова.

– Дорогая, тут твой пушистый приятель пришел!

Каждый раз одно и то же. От всех других зверюга скрывался, и Мартина – единственная, кого он к себе подпускал.

Вот и сейчас жена открыла дверь террасы – он тут как тут. Мартина впустила его. Кот стал тереться о ее ноги и долго нежничал, пока она не принесла блюдце с молоком и не поставила рядом с дверью. Внутри.

Фредрик Хельмарк нахмурился. Ему не хотелось, чтобы он лишний раз заходил в дом: животное может поесть и снаружи. Мартина гладила кота по спине, пока тот лакал молоко.

Ясно одно. Если у нее есть время на кошек, значит, найдется и у него часик-другой на сквош.

Глава 11

– Так у тебя есть брат? – спросила Нина на следующее утро. – Ты никогда про него не рассказывал.

Она посмотрела на Габриэля Хельмарка, сидевшего с полузакрытыми глазами и задранной к потолку головой.

– Знала бы ты, сколько всего я тебе не рассказывал...

В кабинете комиссара полиции было тесно. Площадь не больше двенадцати квадратных метров, и это пространство Хельмарк умудрился забить по максимуму. Письменный стол, стул для посетителей. Полки завалены папками и бумагами по старым делам. Немного профессиональной литературы, кипы материалов на полу. От тесноты даже было трудно дышать. Никаких фотографий или личных вещей. Цветы? Невозможно себе представить. На стуле для посетителей висел пиджак пятьдесят восьмого размера.

Когда Нина постучалась в кабинет, шеф сидел молча, прижав к уху мобильник. Морщина между его бровей сообщала, что случилось нечто серьезное. Увидев Нину, Хельмарк быстро спрятал телефон и покосился на нее, явно понимая, что ведет себя подозрительно. Провел руками по волосам и разрешил ей войти.

– Что случилось? – осторожно спросила Нина и села на стул, стараясь не касаться пиджака.

Хельмарк нахмурился, прикинул что-то в голове, вздохнул и наконец рассказал, что не может дозвониться до брата. Пытается уже десять дней – совершенно непонятно, почему тот не снимает трубку. Фредрик обычно даже в туалет ходит с компьютером, чтобы не пропустить какое-нибудь суперважное сообщение. А тут не отвечает на звонки.

Каждый год они вместе ездят на могилу родителей на Лесном кладбище. Единственная традиция, которую им удалось сохранять все эти годы, и Фредрик никогда не пропускал этот визит. Напротив, он сам напоминал о важной дате и старался сделать все, чтобы их поездка состоялась. Но не в этот раз. И вот он не подходит к телефону и не перезванивает...

– Думаешь, что-то случилось? – спросила Нина.

Хельмарк покачал головой.

– Может, и нет. Он, конечно, обалдуй и растяпа. Но я уже неделю пытаюсь выяснить, в чем дело, а в ответ получаю только гудки.

Нина попыталась уговорить себя не кидаться в расспросы и держать рот закрытым. Шеф – не тот человек, который желает, чтобы из него тянули слово за словом. Но что-то же явно случилось. Она видела его во всех оттенках гнева, в задумчивости и покое, но никогда – в тревожности.

Габриэль почесал затылок.

– Давай вернемся к рабочим вопросам. Что будем делать с Юнггреном?

Не приставай к нему.

– Есть варианты, что могло произойти с твоим братом? Куда он мог уехать?

– Нет у меня никаких вариантов. Брось ты это дело, – комиссар отмахнулся. – Как работаем дальше по делу Юнггрена?

– Но *что-то* ты по этому поводу думаешь?

Хельмарк недовольно скривился, поднялся со стула и стал топтаться по кабинету. Остановился у окна, посмотрел на серое небо. Потом пожал плечами.

– Фредрик живет собственной жизнью. Мы не общаемся. Не моя забота, куда он уехал.

– А если что-то все же случилось? Нельзя бросать это на самотек.

Габриэль обернулся.

– Если с членом семьи что-то случилось, вести следствие точно не поручат родственнику.

Нина приподняла бровь. Она имела в виду совсем не это. Но он, пожалуй, все же воспринял молчание брата куда серьезнее, чем хотел показывать. Отступать поздно, она уже в это влезла.

– У него есть семья?

– Жена и двое детей.

– Ты должен обратиться за помощью, особенно если в деле замешаны дети.

– Только если есть подозрение на преступление.

Упертый как баран.

Хельмарк снова сел. Стул под его весом в сто десять килограммов жалобно закрипел.

Некоторое время он молчал, глядя в стол.

– Дело Юнггрена отнимает у меня весь ресурс.

– Кому еще ты звонил?

Он развел руками.

– Никому. Номер его жены – только старый, он уже недействителен. Наверняка я могу раздобыть новый, но у меня нет на это времени. Черт с ним, сам объявится рано или поздно.

– Ты можешь поручить это мне, – Нина перегнулась через стол. – Посмотрим, что я смогу найти. Вдруг не окажется повода для волнения.

– Я уже начинаю волноваться, – пробормотал Хельмарк.

– Может, заглянуть к ним в дом...

Комиссар потер подбородок.

– Я несколько раз звонил в дверь. И почтовый ящик переполнен.

– А что ты сделал с почтой?

Он кивнул на стопку в углу письменного стола.

– Журналы, рекламные брошюры и пара счетов. Ничего важного. Кажется, у кого-то из соседей есть ключи от дома, но я не расспрашивал.

Нина с укором посмотрела на своего шефа. Тот мужественно выдержал ее долгий взгляд, потом молча записал на листке адрес и протянул ей. Вдруг не окажется повода для волнения. Но интуиция подсказывала, что он все-таки есть.

Глава 12

Два с половиной часа спустя хлопнула входная дверь. Фредрик влетел в дом раскрасневшийся и взлохмаченный.

– Есть кто живой?

Он заглянул в пустую кухню. Все прибрано, столешницы протерты буквально до стерильности: ни единой крошки и пятнышка. Ну надо же. Фредрик почесал затылок. И когда успела?

Остановившись между кухонным островком и мойкой, он ощутил жар от духовки. Наклонился, оглядел через стеклянную дверцу запекающееся филе телятины. Оно уже приобретало золотисто-коричневый оттенок. Слюнки потекли при мысли о том, как это будет вкусно. Мартина всегда блестяще готовила. Впрочем, все остальное она тоже делала блестяще. И за что ему такое счастье? Он не устанет себя об этом спрашивать.

Открыв холодильник, он обнаружил там салат. Гигантская посуда, покрытая сверху прозрачной пленкой. Наверное, уже пора ее достать, чтобы салат не был слишком холодным при подаче. Сейчас он быстренько накроет на стол...

Какую же посуду взять? Что они доставали в прошлый раз? Мартина что-то говорила? Он вынес салатник в обеденный зал и обнаружил, что стол уже накрыт. Ну умница!

Поднимаясь по лестнице, Фредрик взглянул на часы. Без десяти семь. Еще куча времени в запасе.

Мартину он обнаружил в ванной на втором этаже.

– Привет, дорогая. – Поцеловал ее в щеку, пока она пыталась надеть сережку. Которой он никогда раньше не видел, к слову. Или видел? Это он ей подарил или она купила сама? – Ого, ты еще красивее, чем всегда.

Она промолчала. Обняв ее за плечи, он почувствовал, как они напряжены. Только бы не ссора. Он всегда терялся, когда Мартина его отчитывала.

Фредрик бросил спортивную сумку на пол. Снял футболку, спортивные штаны и кинул туда же. Жена молча наблюдала за ним. Под ее взглядом он передумал и сложил одежду в корзину для белья.

– Там была очередь у каждой дорожки, – пояснил он и провел ладонью по щекам. Успеет ли побриться? Без восьми семь. Мартина стала накладывать подводку на глаза.

– Ну а потом мы немного поболтали, – добавил он и покосился на нее. – По пути домой увидел парня, у которого заглохла машина. Не мог же я проехать мимо! Пришлось остановиться и помочь ему завестись.

Мартина по-прежнему молчала.

– В следующий раз я сам могу оказаться в такой же ситуации, и я бы хотел, чтобы и мне помогли.

– Гости придут с минуты на минуту, – наконец тихо произнесла она.

Фредрик посмотрел на жену в зеркало.

– Я поставил салат на стол. Все готово. Мы успели!

– Мы?.. Ладно. Повесишь полотенца для гостей?

– Угу.

Мартина разглядывала его, слегка склонив голову набок. Он знал этот взгляд и решил ей подыграть.

– Да, дорогая?

– Ты когда-нибудь изменишься?

Он широко и наивно улыбнулся.

– А зачем мне меняться?

Мартина встала и плавно подошла к нему. Заглянула в глаза, провела по щеке нежной ладонью. И слегка прихватила за шею.

– Даже если тебе приставят нож к горлу?

Чего? Он с удивлением посмотрел на нее.

Его жена убрала руку и вышла из ванной. Ну да, она, в принципе, имела право сердиться. Но он же не виноват, обстоятельства были против него! Хотя, признаться, тот парень на дороге отказался от его помощи и сказал, что уже вызвал механика...

Фредрик принялся бриться, хотя был в стрессе. И в течение полминуты порезался в двух местах. Когда он стоял у шкафа, выбирая рубашку, раздался звонок в дверь.

Семь – не самое удачное время для приема гостей. Лучше было бы собираться в восемь. В субботу всегда так много других дел... Еще часик в запасе – и было бы супер.

Глава 13

Ужин прошел на подъеме. Фредрик заботливо распределял свое внимание поровну между гостями. Рогера он назвал «будущим Ингваром Кампрадом» и спросил Лену, как здоровье ее мамы. Поговорил с новой женой Петера, Элин. Чтобы та не чувствовала себя неудобно, взял ее под свое крыло и сопроводил к столу.

– Как вы познакомились? – спросил он. Не вслушиваясь в ответ, поинтересовался, кем она работает и почему выбрала эту профессию.

Большинство людей обожают говорить о себе. Фредрик это знал, поэтому его любимыми вопросами были, среди прочих: «О чем ты мечтаешь?» и «Какова твоя цель в жизни?» Как и со всеми остальными, это сработало и с Элин.

Пару часов спустя настало время для кофе. Фредрик вышел в кухню. Мартина уже зарядила кофеварку и достала тарелочки для десерта.

– Я пообещал Арне помочь ему с катером в следующие выходные.

– Разве ты не собирался поехать к Рогеру и помочь ему с переездом?

Он хлопнул себя по лбу.

– Ах, черт, совсем забыл... Что-нибудь придумаю. Придется делать все в два раза быстрее. Сам он не справится.

Привычка Фредрика предлагать свою помощь всем нуждающимся стала расхожей темой для разговоров среди его друзей. Он был просто не в состоянии услышать о проблеме и не предложить парочку свободных рук или внимательное ухо. Мартина считала, что ему следует сперва разобраться с собственными делами. Не в последнюю очередь с домом: он затеял ремонт, и здесь еще много чего нужно сделать. Например, прибить на кухне плинтус, который ждал своего часа в уголке уже пару месяцев. Но Фредрик не умел отказывать. Сколько раз он пропускал ужины, застряв в чем-нибудь саду, подвале или в баре, выслушивая жалобы кого-то из знакомых. «Надо быть готовым помочь людям, – говорил он всегда. – В следующий раз мне может понадобиться кто-то, кто меня выслушает».

– Кстати, насчет «в два раза быстрее», – вставила Мартина. – Не мог бы ты достать посуду из посудомойки?

Фредрик слышал, как Арне громко рассмеялся, рассказывая анекдот. Эту шутку он уже слышал, но знал куда более удачный ее вариант. Обязательно расскажет, когда покончит с посудой.

Выйдя в обеденный зал, он невольно обратил внимание на пару кошачьих глаз за стеклянной дверью. В них отражался свет горящих в помещении свечей. Проклятый кот снова проголодался. Идя к своему стулу, Фредрик сделал движение в сторону выхода на террасу, и кот поступил так, как делал всегда: удалился. Как и все кошки, он излучал неприятную убежденность в том, что в пищевой цепочке он стоит выше человека. Фредрик поежился и вернулся к столу.

Вечер закончился блестяще. Вино разгорячило гостей, и, когда стрелки на циферблате перевалили за полночь, пошли первые неприличные шутки. Все хохотали до слез, и этим парадом командовал Фредрик. Он наслаждался – уж рассказчиком он был бесподобным.

Вскоре гости засобирались домой.

– Буссе и Лена тоже собираются уходить. Все прошло отлично, – весело сказал Фредрик, обнаружив Мартину выходящей из комнаты Оскара, их сына.

– Он заснул на полу перед телевизором. Я уложила его как следует.

Ее муж кивнул и взглянул на часы. Половина второго. Поздно, но не то чтобы ужасно поздно. Положив ладонь на затылок Мартины, он поцеловал ее в лоб.

– Без тебя не получилось бы так здорово, – сказал он.

Мартина, не говоря ни слова, пошла вниз, чтобы попрощаться с Буссе и Леной.

Глава 14

Вопросы Нины напоминали те, которые она задавала ему в первый раз на месте преступления.

– Подумайте, пожалуйста, – призвала его инспектор. – Наверняка вы что-то заметили, раз пришли в помещение раньше всех.

Она сидела за столом в своем кабинете, подавшись вперед.

– Я думал о другом, – проговорил Алекс и в ответ на ее позу тоже подался вперед. Это получилось как-то само. Если ты специалист по человеческому поведению, то никуда не денешься: вечно экспериментируешь...

– Я действительно пришел за два часа до начала выступления, но в основном ходил туда-сюда по сцене, чтобы прочувствовать обстановку.

Теперь он понял, что, скорее всего, был не один. Человек, пристреливший Юнггрена, наверняка тоже пришел заранее. Откуда-то из-под потолка за ним все время наблюдала пара внимательных глаз. Эта мысль заставила его поежиться. К этой паре глаз прилагалась пара рук и одна заряженная винтовка.

– Боязнь сцены? – спросила Нина, пропустив его напряженный взгляд. Она выпрямилась и откинулась на спинку стула. Так же поступил и Алекс.

Только вот на моей груди близка едва ли натягивается так соблазнительно. Не смотри!

– Немножко понервничать не вредно. – Он задумался. – Незадолго до начала пришел техник. Он выставил освещение, ходил туда-сюда. Вам следовало бы, наверное, расспросить его.

Нина барабанила по подбородку длинными тонкими пальцами. Алекс незаметно тоже поднес ладонь ко рту. Через минуту она положила руки на стол и подалась вперед. И этот жест он отзеркалил. Несмотря на то что они говорили об обстоятельствах убийства, его это забавляло.

– Мы уже допрашивали его в день происшествия. Он не поднимался наверх к прожекторам и никого подозрительного не встречал.

– Спросите Маргарету, администратора конференц-зала. Она толковая.

Маргарета, точно? Он надеялся, что да. Или Марианна. Почему у него проблемы с ее именем?

Нина почесала щеку. Алекс выждал пару секунд и повторил за ней. Инспектор перевела на него внимательный взгляд, между ее бровей пролегла морщинка. Спокойно, надо проявлять осторожность. Не так явно.

– Признаться, я вас позвала по другому поводу, – произнесла Нина. – Скажите, если бы я описала вам человека, его поведение, привычки... Вы могли бы спрогнозировать, как он поступит в специфической ситуации?

Алекс задумался. Конечно, это не невозможно, но довольно трудно. Человеческое поведение – неточная наука.

– Если основываться на вторичных источниках информации, картина обычно бывает далека от истины. Мы видим то, что хотим видеть, и пропускаем все остальное. А о чем конкретно речь?

– Один человек пропал. Нам важно понять, как он рассуждает, чтобы найти его, – проговорила Нина и скрестила руки на груди, одновременно закинув ногу на ногу. Алекс же сперва положил ногу на ногу, а потом сложил руки на коленях.

– Это связано с убийством в «ИнфраСити»?

Инспектор покачала головой: «нет», и он с трудом скрыл свое разочарование. Было бы увлекательно. Консультант полиции в расследовании дела о публичном убийстве... Это отлично смотрелось бы в его резюме.

– У меня есть доступ к дому пропавшего, – сказала она. – Если он действительно пропал, в чем мы пока не уверены.

Алекс невольно рассмеялся.

– Если честно, я пока ничего не понимаю.

Нина выпрямилась.

– Хорошо. Кое-кто, с кем я не знакома лично, очень давно не выходит на связь, и завтра я собираюсь осмотреть его дом. У меня возникла мысль: вернувшись, рассказать о своих наблюдениях вам, чтобы вы составили профиль пропавшего. А потом я попробую угадать, куда он делся.

– Почему вы не ведете обычное расследование и не сообщаете в розыск?

– Это неофициальное дело.

– Если вы собираетесь домой к этому человеку, я хочу пойти с вами.

– Это невозможно, – отрезала Нина, по-прежнему держа руки скрещенными на груди.

Теперь пора, момент самый подходящий. Алекс широко расставил ноги. Медленно раскрыл руки, держа их ладонями вверх.

– Вы уверены? Я буду весьма полезен.

Отлично. В следующую секунду Нина сделала то же самое. Улыбнувшись, она твердо поставила ноги и развела руки, будто открываясь.

– Я могу оказаться более наблюдательным, чем вы, ведь я знаю, на что именно обращать внимание. М?

– Хорошо. Но я вынуждена требовать соблюдения полной конфиденциальности.

– Это официальное требование?

– Разумеется, – без колебаний ответила она.

* * *

Вечером того же дня Алекс как на крыльях взлетел по лестнице в свою квартиру. Широко распахнув дверь, бросил портфель на пуфик в прихожей. Повесив легкий весенний плащ на крючок, прошел прямо на кухню и огляделся по сторонам.

Методика подражания сработала на все сто. Он довольно долго копировал жесты и положение тела Нины, пока не наступила полная синхронизация. Когда она подсознательно стала истолковывать его позы как отражение своих, то почувствовала себя в безопасности и расслабилась.

А потом разговор принял интересный оборот. Желая подтолкнуть ее к нужному ему решению, Алекс перевернул взаимодействие в другую сторону. Он стал вести, и она подсознательно последовала за ним. Что-то заподозрила, он заметил, но тем не менее все сработало. Когда он раскрыл свою позу, она сделала то же самое. И оказалось, так легче принять положительное решение. Что почти невозможно сделать, когда сидишь, скрестив руки и ноги и зажавшись всем телом.

Некрасивый поступок? Он использовал свои профессиональные навыки, чтобы манипулировать юным инспектором? Да, но нарастающее желание проникнуть на полицейскую «кухню» вытесняло все намеки на угрызения совести. Алекс еще не знал, что за расследование перед ним, но чувствовал, что это куда интереснее, чем бытность консультантом владельцев адвокатских бюро.

Открыв холодильник, он набрал еды – что подвернулось под руку – и поел, стоя у столешницы. Затылок, как обычно, болел. Уве – очень опытный мануальный терапевт, и есть шанс,

что ему удастся довести Алекса до полного восстановления. Но за эти годы он так привык к боли, что, наверное, было бы странно, если бы Уве удалось убрать симптомы. Все равно что отделаться от старого назойливого друга.

Убрав за собой, Алекс пошел в гостиную. Включил телевизор и некоторое время смотрел, не понимая, что смотрит. Поймал себя на том, что сидит и улыбается. Да-да, он сидит и улыбается сам себе – даже и не вспомнить уже, когда это случилось в последний раз.

Собственно говоря, ему следовало бы включить компьютер. У него много работы. Написать одно коммерческое предложение, пересмотреть другое. Еще надо навести справки о клиенте, с которым предстоит встретиться на днях. Однако сейчас ему хочется заняться совсем другим.

По-прежнему улыбаясь, он пошел в спальню. Сбросив обувь, плюхнулся на кровать. На ночном столике скопилась высокая стопка книг – триллеры и детективы вперемешку с биографиями. Алекс вытащил из стопки последний роман Юна Айвиде Линдквиста. Жуткая история. Довольный, он принялся читать. Скорее бы, скорее бы наступил завтрашний день.

* * *

Нина поставила чашки в посудомоечную машину. Несмотря на поздний час, она все еще была на работе. Дел просто невпроворот. Садясь за компьютер, чтобы еще раз просмотреть список дел на завтра, она подумала о том, как легко оказалось пробудить интерес Алекса. Поначалу он изображал из себя недоступного, занятого консультанта, но она смогла заманить его.

Когда же Нина обнаружила, что Алекс Кинг владеет техникой подражания, то поняла, что он – ценный ресурс. Приходится признать, он профессионал и человек искушенный. Она чуть было не начала сопротивляться, но потом дала ему почувствовать себя знатоком своего дела.

Получилось даже мило. Такая игра в поддавки.

Манипуляция? Может быть.

Единственное, что ее волновало, – как отреагирует Хельмарк на вмешательство Алекса Кинга в дела полиции. С другой стороны – никакого дела не существовало. Пока.

Собирая вещи, Нина с удивлением поймала себя на том, что снова улыбается. Пожалуй, завтра им предстоит занимательный день.

Глава 15

Она сидела на кровати совершенно голая: только что вернулась с пробежки по Стокгольмским мостам. Пока пот все еще стекал по горячей коже, принимать душ не имело смысла.

Наемница проверила винтовку. Это было ее любимое оружие, «Ремингтон» семисотой серии. У нее была «700 PSS». Не то чтобы самая современная – основная конструкция разработана еще в 60-е годы, – но проявляла она себя бесподобно. Девяносто процентов всех снайперов в США пользуются этой моделью. Не говоря уже о бесчисленных полицейских подразделениях по всему миру.

У ее экземпляра ствол был особенно длинный: двадцать шесть дюймов против стандартных двадцати. Это обеспечивало дополнительную устойчивость. Она разобрала винтовку, проверила все механизмы, хотя уже проделывала это накануне. Подвижные части настроены идеально, все мягко скользило. Это ее личный инструмент – она ухаживала за ним с таким же трепетом, как за своим телом.

Отставив винтовку к кровати, снайпер открыла окно, выходившее на воду. Волны плескались, где-то вдали кричали чайки. Наемная убийца жила по щелчку пальцев, перепрыгивая от одного эпизода к другому, от жертвы к жертве. Такие моменты умиротворения ее заземляли... Впрочем, ветер дул довольно паршивый. Она закрыла створку.

Оставалось еще несколько минут. Ее заказчик был пунктуальным, как швейцарские часы. Ей случалось работать на людей, которые не держали ситуацию под контролем и небрежно относились к подготовке. Это повышало риск для нее, а она не из тех, кто рискует. Но этот человек никогда ничего не упускал.

Завибрировал мобильник. Снайпер бросила взгляд на часы. 10:00.

– Предположительно, на этой неделе будет еще работа, – сказал заказчик. – Вероятность девяносто процентов. Будь в состоянии готовности с нынешнего момента и еще двое суток.

– Тип?

– Средняя дистанция. Центр города.

– Свидетели? – спросила она.

– В огромных количествах, так надо. Я свяжусь с тобой в течение двух суток.

Сбросив звонок, женщина огляделась. Подошла к шкафу, оделась в джинсы и простую блузку. Работа. Хорошо. Такие новости всегда пробуждали в ней зверский аппетит. Самое время для плотного завтрака.

Глава 16

Они уже лежали в постели и почти засыпали.

– Почему ты спросила, изменюсь ли я когда-нибудь? Я такой, какой есть.

Мартина ответила не сразу.

– Все развиваются, никто не стоит на месте.

Фредрик вздохнул.

– Тебе никто никогда не говорил, что ты слишком много болтаешь?

Он приподнял брови.

– Э-э... Так я же все время задаю вопросы другим, так сказать, для равновесия.

Он повернул голову в ее сторону. Его жена смотрела в потолок.

– Или – что ты имеешь в виду?

– Вот тебе пример с пылу с жару. Ты сперва говоришь, а только потом думаешь.

– Я задавал Элин всякие вопросы, чтобы она почувствовала интерес к себе.

– И что ты теперь о ней знаешь? – спросила Мартина.

Он вздохнул, ему хотелось спать. Немного перебрал красного, голова побаливала. Надо было заранее принять таблетку ипрена в профилактических целях.

– Они с Петером познакомились на работе.

– Каким образом?

Фредрик задумался. А каким?

– На конференции?

Мартина закрыла глаза.

– То есть ты не знаешь?

– Знаю, что Элин изучала общественные науки, но работает учительницей.

– Учительницей чего?

Он сложил руки на груди. Вечер грозил закончиться не самым приятным образом.

– Ну хорошо, я, возможно, не помню дословно, что она говорила. Самое важное – проявить интерес, а не вызубрить наизусть каждую деталь ее скучной жизни. Кому, черт возьми, не наплевать, кто она там – училка по математике или литературе?

Мартина понизила голос. Это означало, что сейчас ее стоит слушать особо внимательно. Это знали все: Фредрик, их дети, воспитатели в детском саду и даже их почтальон.

– Ты думаешь, что показываешь людям свое расположение и живой интерес, но на самом деле все время говоришь о себе.

– Я...

«Я – что?» – подумал Фредрик. Каков правильный ответ на этот вопрос? Если хозяин не будет поддерживать беседу, что же это будет за ужин?

– Каждый раз, когда Хенрик что-то говорил, ты встревал с собственной историей, только покрасочнее. Едва Арне рассказывал анекдот, ты тут же вставлял свой. А когда Лена поведала о своей учебе, ты воспользовался случаем, чтобы упомянуть о собственных годах в университете. Когда Петер заговорил о том, чтобы поменять машину, ты тут же собрался менять машину вслед за ним. Когда Керстин завела речь о книге, которую прочла, ты, конечно же, прочел другую – гораздо лучше.

Чего она от него хочет? Чтобы он сидел в углу и молчал, как гребаная мумия?

– Ты всех развлекаешь, но когда один человек занимает своими разговорами семьдесят процентов времени, это уже чересчур.

– А вот ты могла бы иногда вести себя более спонтанно, – проворчал Фредрик. – Ты всегда застегнута на все пуговицы. Попробуй иногда следовать своим инстинктам. Я просто пытался быть любезным и веселым. Люди, знаешь ли, любят расслабляться. А что насчет тебя?

Мартина посмотрела на него с таким выражением лица, которое он затруднялся истолковать. Он частенько его видел, и обычно это было знаком, что разговор окончен.

– Буду работать над собой, дорогой. Может, поделишься опытом? – и жена повернулась к нему спиной. Ну точно.

Семьдесят процентов? Пятьдесят, не более.

Отвернувшись в другую сторону, Фредрик натянул на себя одеяло. Неужели он и правда болтает слишком много? Но людям, похоже, нравится быть в его обществе. В жизни никто не говорил ему, что он слишком много треплет языком. Ну вот, теперь он не в состоянии заснуть...

По дыханию Мартины Фредрик слышал, что и она не спит. Проговорил в воздух:

– У меня никогда не возникало повода изменить себя.

И сам заметил, с каким детским упрямством прозвучали его слова.

Кровать покачнулась, когда Мартина склонилась над мужем и поцеловала его в щеку.

– Как знать, может быть, повод и появится, – сказала она и положила конец дискуссии, добавив: – Кстати, жену Петера зовут не Элин, а Эллен. И у тебя был миллион шансов это заметить.

Глава 17

Впервые она по-настоящему испугалась, когда отец сказал плохое слово. До этого момента она никогда не слышала от него ругательств. На мгновение ей показалось, что сейчас он устроит ей порку.

Строго говоря, глупо было так думать. Отец ей ни разу даже оплеухи не залепил. Всегда держался так спокойно, что многим становилось неуютно в его обществе. Она много раз это замечала. Взрослые болтали и шутили, но, заметив, что он никак не реагирует, все большие замолкали и посматривали неуверенно.

И вот теперь она довела его до того, что он выругался. На лбу выступил пот, руки отказывались повиноваться. Она стояла в прихожей. Ее белые кеды стали грязными, потому что она полдня лазила по деревьям. На блузке сбоку появилась длинная прореха. Но не это вывело отца из себя.

Папа говорил ей, что нельзя терять бумажник. Несколько месяцев назад она обронила его, и ей вернули пропажу. Потом она потеряла его снова пару недель назад, но на этот раз он к ней так и не вернулся. Она рассказала отцу все как есть. Он учил ее говорить правду, какой бы тяжелой она ни была. Маленькие девочки не должны лгать. Тогда отец тяжело вздохнул и сказал, что ничего страшного. Но она должна понять: бумажник – очень важная вещь, в нем хранятся личные данные человека. Она не знала точно, что такое личные данные, но он рассказал, что в бумажнике лежат фотографии, записки, сообщения. Воспоминания вроде билетов в кино, важные чеки и квитанции. И карточки, которыми человек расплачивается и которыми могут воспользоваться другие, если им представится такой шанс. Помимо денег, само собой, – она, конечно, лишилась и денег тоже, но речь шла не о них.

Папиных аргументов она по большей части не понимала. Ей было всего десять, у нее не было кредитных карточек или важных квитанций. Был билетик из музея. Она сохранила его, потому что ей понравился цвет бумаги.

Но отец сказал, что потерять свой бумажник – большой прокол. Это показывает, что ты – безответственный человек.

Он купил ей новый и отдал его с улыбкой. Бумажник был очень красивый, темно-красный и вкусно пах. Не детский кошелечек с дурацкими картинками и липучкой на отделении для мелочи – для малышек, которые не умеют застегивать молнию. Настоящий, взрослый. Туда можно будет потом положить кредитную карточку, на которую она купит много-много мороженого. Когда она открыла подарок отца, то обнаружила, что там лежат деньги. Немного – она редко получала деньги без повода – но все же там лежала сотенная купюра.

И теперь она потеряла и его тоже... Когда она засунула руку в карман, бумажника на месте не было. Как будто испарился по волшебству. Может быть, на нее наложила заклятье злая кошелековая ведьма?

Услышав новость, отец покраснел и воскликнул:

– Ах ты черт! Растяпа! Тебе ничего нельзя доверить!

Он только что вернулся с работы. Успел снять пиджак, но еще был в галстуке. Так и стоял перед ней в прихожей, скрестив руки на груди поверх белой рубашки. Свет падал ему на грудь, отчего его лицо казалось темным, как после месяца на курорте.

Ее ноги будто приросли к полу. Ковер превратился в самый прочный клей на свете, и она не могла оторвать подошвы, как ни пыталась. Школьная сумка упала на пол, оттуда вывалился учебник. Английский. Видно было, что она написала свое имя в правом верхнем углу. Как она могла сделать надпись так криво? И почерк ужасный.

Очевидно, решив, что сказал достаточно, папа повернулся к ней спиной и в три широких шага преодолел лестницу на второй этаж. Он ушел.

От беспомощности она села на коврик у двери, спрятав лицо в ладони. Ей можно доверить все-все, папа. Все, кроме бумажника. И дурацкой подписи на учебнике.

В дверях появилась мать со стаканом в руках. Некоторое время она разглядывала дочь, потом молча вернулась в кухню – к соусу, или картошке, или чем она там занималась.

В тот вечер девочка сидела в своей комнате, положив перед собой чистый лист. Долго-долго просидела так, глядя на безупречно белую бумагу. Потом схватила карандаш и начала писать свое имя. Раз. Два. Двенадцать. Пятьдесят. Она работала, пока не исписала четыре листа. Наконец ее подпись начала выглядеть красиво. Она решила стереть свое имя со всех учебников, из всех школьных тетрадок. Потом напишет его снова, но гораздо лучше, чем раньше.

Глава 18

Решив, что, в отличие от здорового тела и юркого ума, мудрости ему при рождении не доложили, Рогер Аксберг посчитал нужным посоветоваться с Эвой. Их союз, когда-то начавшийся с бурных страстей, давно уступил место чему-то другому, дружбе скорее. Но Эва рассудительна. У нее есть практическая жилка. И она наверняка тоже предпочтет оставить себе те пятьдесят миллионов, вместо того чтобы отсылать их на Антильские острова.

В голове Рогера неустанно боролись два желания: оставить себе пятьдесят миллионов крон и, собственно, жить. Одно не уступало другому. Определенно, он хотел жить при всех своих миллионах.

– Эва! – позвал он жену.

Та вышла из комнаты младшего сына, немного растрепанная, как за ней это водилось в последние годы.

– Боже мой, что ты кричишь?

Рогер Аксберг не стал ходить вокруг да около и помахал перед ней письмом.

– Нам надо поговорить. – Он захлопнул дверь в комнату сына. – Прочти. Хочу знать твое мнение.

Эва взяла в руки бумагу и прочла ее в полном молчании. Закончив, подняла на него глаза.

– Это шутка?

Он развел руками и отошел к диванам, стоящим перед телевизором. Сел и обхватил голову руками.

– Не знаю. Сперва я думал, что шутка. А если нет? Там же прямая угроза.

Жена села напротив него, еще раз внимательно пробежавшись взглядом по строчкам.

– Как звали того парня, которого застрелили на конференции?

Рогер вздохнул.

– Клаэс Юнгрен, – негромко проговорил он. Почесал в паху, хотя и знал, что жена терпеть не может, когда он так делает. Сейчас это не имеет значения.

– Пятьдесят миллионов? – переспросила Эва, подняв одну бровь.

Он медленно кивнул. Просто невероятно. Сама мысль о том, что он, вернее, они – ведь они женаты, а ему никогда не приходило в голову заключить брачный договор – владели такими невероятными суммами. Которые тут же обернулись абсолютно сюрреалистическими проблемами.

Эва перечитала письмо в третий раз.

– Это может быть серьезно.

– Да понимаю я! Вопрос в том, действительно ли все *настолько* серьезно.

Тут он с изумлением увидел, как Эва вытирает глаза. Плачет? Это что-то новенькое. После ее затрясло мелкой дрожью.

– Ты должен заплатить, Рогер.

* * *

– Рассказывай, что там у тебя, – потребовал полицмейстер Ульвгрен. Оглядев кучи бумаг на полу кабинета комиссара, поморщил нос.

– Немного, – ответил Хельмарк, перебирая рапорты. – Только что звонил Сундстрём из Берлина по поводу винтовки. Раньше ею действительно владел бывший федеральный канцлер.

Ульвгрен скорчил гримасу. *Очень смешно.*

– Ну ладно. Сундстрём разыскивает его. Владельца, а не канцлера. Посмотрим, сколько времени это займет.

– Нужно ли напоминать, что меня осаждают чиновники и пресса?

– Не нужно.

Хельмарк вздохнул. Чиновники и их состоятельные друзья. Ясное дело, они хотят, чтобы поскорее задержали того, кто подстрелил одного из их приятелей. Пока этот «кто-то» не заинтересовался еще кем-нибудь. Будь на месте Клаэса Юнггрена обычный трудяга – скажем, водитель грузовика, которому выстрелили в затылок, – Ульвгрен бы здесь сейчас не сидел.

Комиссар твердо решил перехватить инициативу в беседе.

– Юнггрен ни с кем не делился информацией об угрозах. Насколько можно судить по его электронной почте, он рассказал о них одному-единственному человеку – своему адвокату Томасу Нюбергу. По крайней мере, в письменном виде. Нюберг, похоже, не воспринял дело всерьез. Они пришли к выводу, что за всем этим стоят китайцы, желающие припугнуть Юнггрена и помешать ему купить компанию «Вольво».

– На радость китайцам, это сработало, – Ульвгрен кивнул. – Теперь сделка явно не состоится. Что еще?

– Письмо само по себе ничего нам не дает. Девять различных отпечатков пальцев. Ни одни из них нам не известны. Единственное, что можно предположить, – шантажу почти наверняка будут подвергаться другие богатеи.

– Скорее всего, это уже произошло. Чего сидеть сложа руки после такого убийства.

Хельмарк задумался. Вероятно, так и есть.

– Не уверен, – тем не менее ответил он. Внутри него звенела какая-то патологическая потребность во всем противостоять полицмейстеру. – Кто-то да обратился бы в полицию. Особенно сейчас, когда все знают: шантажисты легко пойдут на убийство, чтобы получить свои деньги. Та пуля в затылок Юнггрена открыто декларировала: «Мы не шутим».

– Если кто-то захочет убить, то в конце концов ему это удастся. А мы не можем охранять людей сутки напролет. И о следующем случае они так же немедленно уведомят СМИ.

– Похоже, в этом вся суть, да, – проговорил Хельмарк, барабанив пальцами по столу.

– Так что же ты намерен предпринять?

Комиссар задался вопросом, зачем Ульвгрен его спрашивает: чтобы направить его мысль в нужное русло, или просто хочет, чтобы Хельмарк опозорился?

Он тяжело вздохнул и с трудом выдавил из себя это слово:

– Пресс-конференция.

Ульвгрен вскинул руки вверх.

– Надо же! И что ты собираешься сказать этим стервятникам с микрофонами?

– Расскажу, что мы воспринимаем это письмо всерьез. И что всем, кто получит аналогичные угрозы, следует конфиденциально обратиться в полицию.

– Конфиденциально? – Ульвгрен фыркнул. – Ты не знаешь, как ведут себя толстосумы. Они не станут обращаться к нам. Возможно, наймут частного детектива. Или телохранителя.

– Тогда им придется платить. Потому что эти ребята с письмами действительно не шутят. И судя по уровню их подготовки, никакой телохранитель им не помешает.

Глава 19

– Ты дома? – изумился Фредрик.

Она скосила на него глаза, не поворачивая головы.

– Угу.

Он подошел и поцеловал жену в щеку, прижался подбородком к ее шее. Она со смехом отпихнула его:

– Уйди, щекотно же!

– Эх, детка, – ласково сказал Фредрик и положил руки ей на плечи. Почувствовал, как напряжены мышцы под его ладонями, и принялся не спеша их разминать.

– Проблемы?

Мартина вздохнула, но не ответила.

Вне офиса она трудилась нечасто. Фредрик знал: это из-за того, что он сам почти всегда работает из дома. Находясь с ним в одной комнате, она не могла сосредоточиться. Он разговаривал, вскакивал и начинал ходить по комнате: ему не удавалось удержаться от того, чтобы не втянуть ее в свои дела. Поэтому сейчас, когда она сидела в кабинете со всеми своими бумагами, он сразу понял, что произошло нечто важное.

Рабочее пространство было обставлено так, что они сидели спиной друг к другу. Фредрик уселся за свой стол, поперекидывал бумаги с места на место, пытаясь уловить одному ему понятный порядок. Взял распечатку своей статьи для местной газеты и принялся читать. Он был журналистом-фрилансером.

– Сегодня мне не помешало бы немного импровизации, – вдруг произнесла Мартина. – Так, как умеешь решать вопросы только ты: без оглядки на рамки и условности.

– Чем я могу тебе помочь?

Стало тихо. Прошла примерно минута, Фредрик не торопил. Наконец, жена проговорила:

– У меня есть сотрудник, которому я не вполне доверяю. Мне кажется, он ворует деньги фирмы, но я не могу найти доказательства.

– Таскает из копилки монетки на кофе и булочки? – пошутил Фредрик.

– Можно и так сказать.

– Что говорит он сам?

Мартина повернулась к мужу вместе со стулом.

– С ним я об этом не говорила, – ответила она. – Никогда не признается. И теперь мне надо найти решение проблемы. Как-то прижать его к ногтю, чтобы не отвертелся. Но не напрямую.

Фредрик Хельмарк немного повертелся на стуле, глядя в потолок. Что-то промышчал себе под нос.

– Когда таскаешь из кассы, обязательно кому-нибудь проболтаешься. Наверняка есть кто-то, с кем он откровенен. Спроси у этого человека.

– То есть?

– У каждого есть кто-то, кому он выкладывает подноготную. Особенно если дело касается денег. Таким хочется похвастаться, иначе он бы не воровал. Найди того, кому этот тип все рассказывает, и узнаешь правду.

– Хм... – протянула она, прикидывая, как поступит. – Может, и сработает... Но я понятия не имею, с кем он откровенничает. И к тому же подозреваю, что этот человек сильно выиграет, если промолчит.

– Так дай ему нового человека, которому он все расскажет. Такого, которому он доверится. Может, не по душевному порыву, а по необходимости. И позаботься, чтобы этот человек был на твоей стороне.

Мартина отложила ручку.

– С какой стати он будет откровенничать с незнакомым человеком?

– Сыграй на его самолюбии. Если это мужчина, ему захочется похвастаться. Красивой девушке. Парню, которому он хотел бы подражать. Кому-то, на кого он хочет произвести впечатление.

Мартина медленно кивнула и снова отвернулась к своему столу.

– Спасибо... Ужин сегодня на тебе, хорошо? Мне надо подумать.

– Не вопрос.

Фредрик улыбнулся ее спине. Конечно, он приготовит что-нибудь вкусненькое. Пусть его жена занимается своими делами, а уж он о ней позаботится. В конце концов, он ей должен за сквош – хоть до сих пор так и не понял, в чем именно был виноват.

Глава 20

Выйдя на улицу, Алекс аккуратно потянул шею. Уве хорошо сделал свое дело, однако боль не прошла. Со спиной полный порядок, трапециевидная мышца пришла в норму. Но припухлость в позвоночнике не желала рассасываться. Кажется, нет волшебного средства, которое могло бы помочь.

Как-то утром на трассе E04 в машину Алекса сзади въехал другой автомобиль. Типичная и не самая страшная авария. В первую неделю он вообще ничего не почувствовал. Но потом разыгралась немотивированная боль. Одновременно настал сложный период на работе, как оно обычно и бывает: посыпались заказы, которые требовали максимальной отдачи.

Однажды, проснувшись, он не смог повернуть голову. Справившись с первичной паникой, дотянулся до мобильного телефона и набрал 112. Вердикт врачей – хлыстовая травма, неизученная до такой степени, что еще десять лет назад ее считали надуманной жалобой ипохондрика.

Боль всегда оставалась с ним, как неприятный гость, следующий по пятам: ноющая, пульсирующая, неотступная. Через несколько месяцев он выработал свое отношение к ней. Но столько энергии уходило на то, чтобы поддерживать себя в форме, что не оставалось сил на другое – например, на личные отношения.

МРТ даст ответ – есть ли шанс на восстановление, или ему так и жить с этим отвратительным гостем до конца дней. Письмо все еще лежит в кармане. Возможно, все изменится, как только он откроет этот чертов конверт, но Алекс пока не мог заставить себя это сделать. Он не готов иметь дело с последствиями. А будет ли готов когда-нибудь? Этот вопрос подхватила боль – она снова раздалась в затылке в полную силу. «Нет, приятель, ты так и будешь мусолить этот несчастный конверт. А пока ждешь – я всегда буду рядом», – ответила она ему, щелкнув воображаемым хлыстом.

Он остановил такси. В зеркале заднего вида заметил удивление на лице шофера: дорога занимала две минуты, он жил вон за тем поворотом. Но сил что-либо объяснять случайному человеку у него не было.

Машина так резко затормозила у его подъезда, что Алекса прижало к ремню безопасности. Он выругался. Бросил на сиденье сотенную купюру – дурная привычка, приобретенная им за год жизни в Нью-Йорке, – и со всей силы грохнул дверью. Инфантильный поступок, но ему хотелось как-то продемонстрировать свое неудовольствие. От резкого торможения случаются травмы.

* * *

Стены комнаты для допросов были серыми, как почти все помещения в здании полиции. Размер – не больше десяти квадратных метров, и кислород быстро кончался. Простой стол. У стула, на котором сидел допрашиваемый, передние ножки были подпилены на пару сантиметров, а сиденье натерто воском. Если он откидывался назад и задирает руки, чтобы казаться крутым, то сразу съезжал вниз.

Йокке Андерссон – мелкий воришка, достойная сожаления личность. Однако вполне надежный осведомитель. Хельмарку понадобилось пять минут, чтобы выяснить: Йокке ничего не знает.

Следующий – тоже.

И следующий после него.

А вот четвертый осведомитель, Ниссе Петтсон – вылитый мультяшный персонаж, из тех, что носят полосатую робу и цепочку с гирей у ноги, – оказался исключением. После обычного мелкого трепы и отрицаний всего и вся он таинственно заявил:

- Что-то затевается. Многие парни слышали. Назревает буря, ага.
- Затевается, – повторил комиссар. – И что это значит?
- У кого-то есть планы. Большие планы. Ты и не представляешь, шеф.

Хельмарк, скривившись, смотрел, как Петтсон расчесывает свои руки. Тот был наркоманом, а значит, готов утверждать все что угодно, если ему это покажется выгодно. Не говоря о подверженности всяким маниям и психозам. Но он уже не раз приносил ценные сведения. Указал на пару притонов, однажды помог найти человека, убившего свою жену. А иногда он нес околесицу.

- Ты ничего не присочинил?

Петтсон покачал головой.

– Нет, шеф, я от многих слышал. Не знаю, что именно, но готовится крупное, необычное. Парни, все, кто хоть что-то решает, ждут, что всех хорошенько тряхнет.

- А что-то конкретное ты собираешься сказать?
- Готовьтесь, шеф. И пусть ваши ищейки тоже готовятся. Большого не знаю.

Ну что же, происходит и впрямь нечто необычное, объявился серьезный игрок. Крупное? Пожалуй, Юнггрен согласился бы. Двадцать пять миллионов – это вам не кража из магазина. Но все равно толку от Петтсона не вышло. Назревает, готовьтесь... Ага.

Выставив Петтсона, Хельмарк допросил еще пятерых информаторов, которые тоже ничего не знали. Три часа псу под хвост.

* * *

Рогер Аксберг был плохо знаком с шведской преступностью и надеялся, что все так и останется. Он пытался сперва позвонить в полицию, но не дозвонился. Оставалась еще служба 112, но какого черта, это же не настолько срочное дело? У него в запасе тридцать дней. Так написано в письме.

В течение тридцати дней.

Только что он изложил суть дела маленькой черноволосой девушке в приемной полицейского участка. Она молча выслушала его рассказ, делая короткие пометки в блокноте. Ни удивления, ни сочувствия. К ним, видно, каждый день приходят с такими проблемами. Как к дантисту с кариесом.

Девушка взяла в руки его письмо и ушла, чтобы привести кого-то. Это было десять минут назад. Теперь он стоял в ожидании в приемной, разглядывая неприятные рожи на фотороботах со стенда «Их разыскивает полиция».

Рогер обернулся к Эве, которая сидела на скамейке у стены, сжав руки на коленях. Когда их глаза встретились, она улыбнулась. После того как дома он еле остановил ее истерику и крики «Ты должен заплатить!» – они наконец смогли сесть и спокойно поговорить. «В полицию, – сказала тогда Эва. – Пусть они нас защищают». Это звучало разумно ровно до тех пор, пока он не переступил порог полицейского участка.

- Рогер Аксберг?

Голос раздался откуда-то сзади и прозвучал как раскат грома.

Аксберг обернулся и увидел гигантского мужчину с лицом, наводившим на мысли о каменных статуях с острова Пасхи. Великан указал на дверь и сам двинулся к ней. Рогер последовал за ним. Эва тут же вскочила со скамьи и кинулась за ними, громко стуча каблуками. Через минуту они сидели в маленькой комнатке на втором этаже и вместе изучали письмо.

- Расскажите все по порядку, – попросил комиссар Хельмарк.

– Это и есть все, – ответил Рогер.

– Больше мы ничего не знаем, – дрожащим голосом добавила Эва.

Хельмарк перечитал письмо.

Последний абзац.

Вот оно.

«Пожалуйста, подтвердите, что принимаете условия, подав объявление о вакансии консультанта по вопросам рекрутинга в „Дагенс индустри“».

– Не давайте такого объявления. Ничего не предпринимайте.

– Не давать? – переспросил Рогер, приподнимая брови.

Эва уставилась на комиссара.

– Вы уверены?

– Через пару недель вам придет новое письмо с заголовком «*Напоминание № 1*». Они действуют по заданной схеме. В этом случае немедленно звоните мне.

И это все? Какого хрена?

– Во втором письме преступник сообщит, что намерен сделать, если вы не заплатите. Нам важно выяснить – это подражатель или те же люди, что убили Клаэса Юнгтрена.

Рогер Аксберг почувствовал, как иррациональная улыбка расплывается по его лицу, и стиснул зубы, стараясь сдержать ее.

Разумеется.

Сам он даже не подумал об этом. Весь шведский народ знает, что произошло с Клаэсом Юнгтеном. Ясное дело, это какой-то псих. Сумасшедший, пытающийся использовать ситуацию. Прознал о его сделке и возомнил себя умником. Решил срубить легких денег. Ну погодите, он еще доберется до этого урода! Задушит его собственными руками. И почему он сам не догадался?

Все это не по-настоящему.

– Аксберг! – обратился к нему Хельмарк.

Рогер заставил себя вернуться к разговору. Не по-настоящему.

– Вполне может оказаться, что все это серьезно. Вы слышите? Но мы хотим убедиться. Пресса не в курсе, что было несколько писем, и я предпочел бы, чтобы это осталось между нами. Если никаких напоминаний не поступит, мы будем знать, что это другой человек, подражатель. Но если придет еще одно письмо, мы поймем, что пора действовать. Вы меня понимаете?

– Вы должны защитить Рогера! – воскликнула Эва, губы которой затряслись мелкой дрожью. – Приставьте к нему охрану! Иначе он умрет.

– Успокойтесь, – сказал Хельмарк, который терпеть не мог ничьих истерик. – Никто не умрет.

Эва, стиснув зубы, повернулась к мужу, который и думать перестал о письме. Он точно знал, что будет делать. Сперва отвезет Эву домой в Бромму, потом отправится в спортзал. Хорошая тренировка вернет ему устойчивость. Потом он придумает какую-нибудь историю о том, что ему срочно надо уехать на выходные. Осложнения в связи с продажей фирмы. Экстренное совещание. А сам даст кружочек по барам. Он лучше всех знает, что ему необходимо, чтобы снова войти в норму.

– Еще один момент, – произнес комиссар Хельмарк. – У вас есть эти деньги? Или они били пальцем в небо?

Аксберг, сглотнув, кивнул. Деньги у него были. И эти, и даже больше.

– Хорошо. Мы не можем исключить тот вариант, что вам придется заплатить.

* * *

Всего через несколько минут Хельмарку удалось собрать свою группу. Все сидели в полном составе в зале заседаний. Он быстро описал им новое положение дел.

– Некто Рогер Аксберг получил письмо по почте три дня назад, то есть в пятницу, и оно выглядит в точности так же, как то, что мы обнаружили у адвоката Юнггрена. Есть только одно отличие. Теперь они требуют не двадцать пять миллионов, а пятьдесят.

По залу пробежал шепоток.

– Пятьдесят миллионов! – присвистнул Корель. – А есть у него такая куча денег?

– Есть. Они либо знали, либо угадали. Или это подражатель. Я отправил Аксберга домой, наказав ничего не предпринимать. Если выяснится, что это реальная угроза, мы приставим к нему охрану. Но на нынешнем этапе мы не считаем угрозу серьезной. – Он повернулся к Сундстрёму. – Что в конторе Юнггрена?

– Ничего особенного. У него были некоторые задолженности по налогам, но небольшие – он мог покрыть их в любой момент. В районе миллиона. Кажется, он не платил скорее из принципа.

– Не думаю, что его застрелило налоговое управление. Кстати, проверь финансы Аксберга, – проговорил комиссар, указывая на Сундстрёма. – Я хочу знать, сколько у него на самом деле денег.

– А что, если это все же подражатель?

– Тогда мы разделаемся с этим случаем до обеда, верно? – комиссар щелкнул пальцами. Жест вышел довольно нервный.

Порывшись в папке, Хельмарк достал перечень контактов Юнггрена.

– Я хочу, чтобы кто-нибудь из вас взял на себя труд отправиться домой к Аксбергу и составить список всех его контактов, сопоставить со списком Юнггрена и посмотреть, есть ли пересечения.

– Сизифов труд, – буркнул Корель с недовольным видом. – Как-никак, мужик пока еще жив!

В этот момент дверь с грохотом распахнулась. В проеме возник полицейский в форме. Его широко раскрытые глаза искали старшего – и остановились на Хельмарке.

– Он мертв!

Все как один обернулись к вошедшему.

– Его застрелили!

Глава 21

Дверь распахнулась, и в кабинет заглянуло улыбающееся лицо. Фредрик Хельмарк проскользнул в комнату и уселся на стул, прежде чем Ульф Линдеборг из журналистского агентства успел отреагировать.

– Привет, а вот и я. Еле добрался: на трассе авария. – Он крепко пожал ему руку.

– Я рад, что вы все-таки добрались. Как я и говорил по телефону, у меня есть для вас заказ, господин Хельмарк.

Фредрик, этот энергичный малый, радостно хлопнул в ладоши:

– Выкладывай!

Ульф Линдеборг, будучи в душе истинным джентльменом, поморщился от подобной фамильярности, но ничего не сказал.

– Нужно написать биографию. Богатый и успешный бизнесмен желает, чтобы о нем написали книгу, следуя определенному плану.

Господин Хельмарк скривился, словно ему попалась конфета с горькой начинкой.

– Какому такому плану?

– Он заранее решил, какие части его биографии будут входить в книгу, а какие нет. И нужно строго следовать этой линии.

– Самые невинные части, ага?

Агент пожал плечами. Посетитель поерзал на стуле и, сложив руки за головой, взглянул на офисный потолок.

– Я, знаете ли, так не работаю.

– Книга должна быть написана от первого лица, – невозмутимо продолжил Ульф Линдеборг. Да у нас тут завышенное самомнение. Что ж, ему встречались такие «гении» по несколько штук на неделе.

Фредрик фыркнул и закинул руки за голову.

– Это уже мемуары какие-то. Жизнь и приключения богатого и успешного бизнесмена.

Агент уставился на него через стол. Затем слегка постучал пальцами по папке, которую получил от весьма неприятного типа. И пяти минут не прошло, а этот Хельмарк уже порядком его утомил. Ну что ты будешь делать?

– Оплата весьма достойная, – мягко проговорил Линдеборг, взяв себя в руки.

– Послушайте. Биография – это изложение жизни человека, составленное кем-то другим. Когда история рассказана им самим, то это называется автобиография, если речь о сухих фактах. Или же мемуары, если автора томно тянет в ностальгию. Для меня это огромная разница. Если возьмусь за этот заказ, я должен быть независимым писателем, который самостоятельно оценивает материалы. Я не могу просто взять готовые – возможно, вымышленные – факты и слепить их в приемлемое целое.

Ульф Линдеборг терпеливо выслушал всю тираду.

– Почему? – спросил он, подпирая лицо ладонями.

– Потому что... тогда... пострадает качество!

На минуту-другую Линдеборг целиком сосредоточился на том, чтобы выровнять дыхание. В иной ситуации он легко торпедировал бы этого зазнайку к выходу, но клиент четко выразил свои пожелания. Он хотел заказать эту работу Фредрику Хельмарку – и никому другому. Агент, повидавший с десятков хороших журналистов и сотни плохих, не понимал этого. Есть немало профессионалов, которые справились бы куда лучше.

– Я журналист и писатель, – произнес Фредрик. – Я не какой-нибудь... литературный негр!

– А если я договорюсь, чтобы ваше имя стояло на обложке?

– Крупным шрифтом? На самом видном месте?

– Ну хватит уже!

Фредрик решительно замотал головой.

– В журналистике такое не работает. Если я возьмусь писать, то буду работать по собственному методу. Не желаю, чтобы мне заглядывали через плечо. Тот, кто будет читать книгу, должен знать, что в ней содержится правда. Все прочее – обман и мошенничество.

Ульф Линдеборг подавил желание вытереть пот со лба. Вместо этого он крепко сжал руки. Ему не хотелось возвращаться к заказчику с новостью, что ему не удалось уговорить этого парня взяться за работу. Гонорар ему, как посреднику, в данном случае был слишком хорош, чтобы от него отказываться.

– Оплата более чем достойная, – повторил он. – Много ли работы у вас было в этом году?

Он слышал кое-что именно про этого журналиста-фрилансера. Похоже, экономически независим. Живет на роскошной вилле, разъезжает на дорогих машинах... Линдеборг решил изменить тактику. Отложил папку и поднялся, протянув руку для рукопожатия.

– Ну, если вы считаете, что не справитесь... Не смею терзать ни вас, ни вашу истрепающую музу, – проговорил агент тоном, полным сострадания.

– Я этого не говорил! – выпалил Фредрик.

– У меня целый список кандидатов, – продолжал Линдеборг, протягивая руку еще ближе с явным намеком на дверь.

– Я готов подумать над этим вопросом, – ответил Фредрик Хельмарк и откинулся на стуле, показывая, что вовсе не собирается уходить.

– Хорошо, подумайте, – бросил Линдеборг. Его бесило, что приходится ломать комедию перед этим парнем. Он оказывает им всем услугу, а они не хотят этого понимать. Изображают из себя важных, неприступных, хотя дело каждый раз кончается так, как ему нужно. Он сел на свое место, решив хранить молчание.

– О'кей, – произнес Фредрик, довольно долго просидев молча. – Давайте сделаем так. Я пойду домой и прикину, смогу ли воткнуть это в свои планы на осень. А потом перезвоню.

– Боюсь, ждать я не могу.

Журналист почесал нос.

– А сколько денег?

Линдеборг набрал воздуха в легкие.

– Миллион. Оплата по факту сдачи текста.

Время в кабинете словно остановилось. Фредрик сидел, разинув рот. Когда же попрощался, агент Ульф Линдеборг поднялся и подошел к двери – выглянул в коридор как раз вовремя, чтобы увидеть удаляющуюся спину журналиста.

«Вот так-то, – подумал он. – Ты не смог даже сделать вид, что деньги тебя не интересуют».

Линдеборг вернулся за свой стол, набрал номер на мобильном и стал ждать. Где-то в глубине души ему хотелось, чтобы никто не ответил.

Глава 22

Когда Рогер Аксберг вышел из офиса комиссара Габриэля Хельмарка, жена семенила за ним по пятам. Он не побежал, но однозначно ускорил шаг.

На свежем воздухе ему сразу стало легче. Остановившись на верхней ступеньке наружной лестницы, Рогер сделал несколько глубоких вдохов. Эва догнала его, взяла под руку и стала причитать, что он не подождал ее, хотя она окликала его всю дорогу до первого этажа.

«Может быть, именно поэтому», – подумал Аксберг.

Его последняя в жизни осознанная мысль была окантована раздражением на жену. Она ведет себя так смешно, так нелепо в своей преувеличенной тревоге, в истеричной манере... Успокойся, женщина. Ничего не случится, полицейский же ясно сказал.

* * *

Аксберг и его жена, стоящие на верхней ступеньке, были прекрасно видны в сетке прицела. На этот раз наемница использовала «Вайме Мк2» – высокопрофессиональную снайперскую винтовку. Она была заряжена патронами калибра 7,62 с меньшим содержанием пороха, чем обычно. Причина предельно проста. Малое количество пороха обеспечивало дозвуковую скорость. Таким образом, тишина, которую обеспечивает глушитель, не нарушится ударной волной звука. Отдача будет минимальная, что снайпер очень ценила: никаких тебе синяков на плече.

Следя за тем, чтобы не вырабатывать характерный *modus operandi*¹, она пользовалась разным оружием. Так было сложнее связать между собой ее заказы. Самая большая ошибка, которую может совершить человек, работающий в ее отрасли, – всегда использовать одно и то же оружие. Любимую винтовку, которую знаешь как свои пять пальцев и с которой не можешь расстаться. Любимый метод работы. Нет, тут вся хитрость состоит в том, чтобы каждый раз менять почерк.

Аксберг, стоящий на лестнице, кажется, сделал глубокий вдох. Его жена подбежала и схватила его за локоть. Издалека могло показаться, что они вот-вот начнут бороться. Но нет. Двое полицейских прошли мимо пары, направляясь в здание. Бросили на супругов быстрый взгляд, но тут же потеряли всякий интерес. «Милые бранятся». Правильно, ребята, возвращайтесь к своим пончикам.

Наемница взяла под контроль дыхание. Она дождется, пока Аксберг двинется вниз по лестнице. Не хотелось бы, чтобы пуля влетела внутрь холла полицейского управления. Стрелять в движущуюся мишень, конечно, труднее, но это посильная задача для того, кто знает свое дело.

Вот Аксберг двинулся вниз по лестнице. Жена повисла у него на руке.

Один шаг.

Два.

Три шага вниз. Он остановился и слегка повернул голову. Заглянул прямо в прицел. Она понимала, что это случайность. Ее, скрытую строительной сеткой, которой был обтянут реставрируемый дом на другой стороне улицы, он видеть не мог.

Справа появился полицейский. Он смотрел в свой телефон. Черт побери... Впрочем, какая разница?

¹ Латинская фраза, которая обычно переводится как «образ действия» и обозначает привычный для человека способ выполнения определенной задачи.

«Клиент» находится в прицельной сетке. Больше ничего не имеет значения. Снайпер задержала дыхание. Прикоснулась правым указательным пальцем к спусковому крючку, ощутила сопротивление. Нажала до конца. Винтовка приглушенно кашлянула и слегка дернулась.

Через четыре десятых секунды пуля настигла Рогера Аксберга, попав ему в лоб у самой линии роста волос. Продырявив лобную кость, она ушла под углом через лобную долю, мозжечок и разбила верхний шейный позвонок. Проследовала ниже, образовав большое некрасивое выходное отверстие, и наконец стукнулась между двумя ступеньками, где и застряла.

Вся мозговая деятельность уже прекратилась, когда гравитация заставила тело упасть. Рогер Аксберг умер до того, как ударился о землю.

Лежа на расстоянии в сто тридцать девять метров, снайпер наслаждалась деталями шоу. Она видела, как упал «клиент», видела, как покачнулась его жена, когда мертвое уже тело чуть не увлекло ее за собой. Видела, как открылся рот женщины, и вскоре до нее долетел звук, хотя и очень слабый.

Полицейский, стоявший рядом, отшвырнул свой телефон, кинулся на землю и прикрыл голову руками. Храбрец, ничего не скажешь. Жалкое зрелище.

Наемница приподнялась на локте, отвела затвор, рукой в перчатке поймала горячую гильзу и положила в карман. Потом вышла из дома через задний выход, неся винтовку в черном пакете для мусора. Никто из тех, кого она встретила по пути, не обратил на нее внимания. С таким же успехом она могла бы быть невидимкой.

* * *

Алекс еле дождался десяти часов и в 10:01 уже набрал ее номер.

– Привет, продолжим дискуссию с того места, на котором остановились? – сказал он излишне бодро. Однако его тон был серым и скучным в сравнении с тем, как прозвучал голос Нины.

– Не могу говорить! – крикнула она, пытаясь оказаться громче шума на заднем плане. По полу скрежетали ножки стульев, хлопали двери. – Прошу прощения, тут кое-что произошло. Я перезвоню.

– Хорошо, я буду... – Очевидно, она его уже не слушала. – Ждать.

Алекс уже собрался отложить телефон, но заметил, что Нина не сбросила вызов. Должно быть, по невнимательности. Он слышал, как она бежит. Люди топали и возбужденно переговаривались. Он начал действительно понимать, в каком мире живет инспектор полиции. Вокруг нее постоянно происходило непредвиденное. В душе Алекс понадеялся, что она знает свое дело и не подвергнет себя опасности. Понять, что там происходит, было невозможно, сколько он ни напрягался: какая-то бесформенная какофония.

Но вот до него донесся очень отчетливый звук, громче прочих.

Отчаянный крик.

* * *

– Убийца! УБИЙЦА! – кричала Эва Аксберг. Ее пальцы скрючились в хищные когти, которые она изо всех сил пыталась вонзить в лицо Габриэля Хельмарка. Он как мог пытался держаться на расстоянии от разъяренной женщины.

– Уберите ее отсюда! – прорычал комиссар, стоя на ступеньках наружной лестницы.

Все лицо у Эвы Аксберг было в крови ее мужа.

Внезапно утратив интерес к Хельмарку, она стала драться с полицейским в форме, пытавшимся затащить ее в здание. Ему это не удавалось. Офицер споткнулся обо что-то и чуть не потерял контроль над ситуацией. Вырвав у него из рук Эву Аксберг, Габриэль Хельмарк рыв-

ком поднял ее и понес в сторону входа в участок, хотя она дико билась у него в руках. Резко поставив ее на пол в холле, он обратился к подчиненному:

– Держи ее внутри здания! Слышал? Внутри! И звони в скорую!

Он снова выскочил на улицу.

Вокруг бегали люди, многие причитали от страха. Народу на улицах было полно – все же центр города. Кто-то из полицейских отдавал приказы, но его, похоже, никто не слушался. Полная неразбериха.

Опустившись на колени, Хельмарк оглядел Рогера Аксберга. Нина, уже прибежавшая сюда, склонилась, приложив два пальца к шее убитого, и покачала головой. Понятное дело, мужик мертвее мертвого. Лицо у него было спокойное, почти расслабленное. Тело лежало в такой позе, которая со стороны казалась довольно удобной. Шел-шел человек и решил прилечь. Кто-то уже начал натягивать вокруг места происшествия сине-белые ленты.

Комиссар огляделся: кругом одни затравленные лица. Люди столпились позади цепочки из полицейских. Гул десятков возмущенных голосов. Прищурившись, он посмотрел на небо: солнце, ни облачка, полное безветрие. Кому-то просто-напросто повезло. Условия для удачного выстрела почти идеальные. Помимо того, что жертва стояла на ступеньках полицейского управления в самом людном месте города...

И Юнггрена, и Аксберга убили выстрелом в голову. Случайность? Или осознанный выбор? Попасть в корпус куда легче, чем в голову. Люди двигают головой, поворачивают ее туда-сюда, когда идут или разговаривают...

Типичное убийство – это когда подъезжает машина, из нее выпрыгивают двое-трое вооруженных людей и палят, сколько успеют, прежде чем нырнуть обратно и унести прочь.

То, что произошло с Аксбергом, не укладывается в сценарий классического мафиозного убийства. Кто-то, сидевший наготове, выдал один-единственный прицельный выстрел. Они не могли знать, что Аксберг обратится в полицию. Или же следили за ним на случай, если он туда все же пойдет?

Прибыли санитары скорой помощи. Хельмарк и Нина отошли от трупа, пропуская к телу деловую низенькую женщину и грузного мужчину. Через десять секунд женщина сообщила:

– Он мертв.

– Правда? – спросил Хельмарк. – А как вы это поняли? Он болел или что-то в этом роде?.. – Он обернулся к одному из полицейских. – Что ты видел?

– Я подошел как раз перед выстрелом, буквально за две секунды, – ответил тот. – Единственное, что я услышал, – это крик женщины. Когда обернулся, мужчина уже упал.

– Откуда стреляли?

Полицейский подергал себя за ухо.

– Хм... Они стояли в паре метров позади меня. Ему попали в лоб. – Оглядевшись, он указал в точку справа от входа в здание полиции: – В этом направлении.

Хельмарк посмотрел туда же. Похоже на правду.

– И что ты сделал?

Офицер полиции замешкался.

– Я... принял безопасное положение.

«Идиот», – подумал Хельмарк, но все же удержался от комментария вслух и отправил сотрудника восвояси. Посмотрел в сторону кафе и продуктового магазина через дорогу. Надо проверить. Подозвав к себе пару полицейских, комиссар отправил их туда, откуда, предположительно, стреляли.

Движение перегородили служебные машины, и на дороге началась полная неразбериха. Большой пассажирский автобус злобно гудел, пытаясь выбраться из этого хаоса. Галдеж десятков зевак не стихал.

Хельмарка окликнул эксперт-криминалист.

– Полуоболочечная, – сказал он, указывая пальцем. – Вон она, застряла между ступеньками.

Комиссар вернулся к широкой лестнице. Между четвертой и пятой ступенькой застрял деформированный металлический предмет. Пуля сплюснулась, проходя сквозь Аксберга, а потом ударилась о камень. Черт, он отправил полицейских в неверном направлении – погрешность примерно в пятнадцать градусов.

Ну, этим займутся эксперты. Задача Хельмарка – собрать доказательства. То, что снайпер до сих пор на месте, казалось невероятным. Конечно, его уже и след простыл.

К нему подбежала одна из служащих с раскрасневшимся лицом. Она показалась ему знакомой, но, как он ни рылся в памяти, имени ее вспомнить не мог.

– Эва Аксберг! Ты должен подойти, – выпалила она и потянула комиссара за собой обратно в здание, мимо стойки в приемной, через две двери.

В комнате, предназначенной для кратковременного отдыха ночных дежурных, лежала на кушетке Эва. Ну, как сказать, «лежала»... Ее пытались уложить сразу двое женщин-полицейских.

Она рвалась и билась, шипела и плевалась, проклиная всех и вся. А увидев Хельмарка, издала дикий рев.

– УБИЙЦА! Ты убил его!

– Успокойтесь! – рявкнул тот так громко, что все три женщины замерли. Он указал рукой на Эву Аксберг и сказал:

– Случилась трагедия. Мне жаль. Но предоставьте нам возможность делать свое дело. Эти двое вам помогут.

После секундного замешательства жена убитого продолжила биться с удвоенной силой, но по коридору уже бежали санитары. Уж они-то ее успокоят. Укольчик – и готово. Как бы она не повредила умом – все же на ее глазах разнесли голову ее мужа, словно тыкву.

Но это не главная проблема сейчас. Одно можно сказать совершенно точно: письмо Рогеру Аксбергу прислал не подражатель.

* * *

Алекс топтался туда-сюда по своему офису, поглядывая в окно с четырнадцатого этажа Веннер-Грен-центра. Внизу мелькали люди – муравьишки. Или снующие черные кролики.

Помимо самого Алекса, в офисе находился только педантичный Дэн Берг. Как явный пример «синего» типа личности, он часто сидел один за рабочим столом, погрузившись в какую-то интересную ему проблему. Дэн невероятно скрупулезно относился к каждому этапу процесса: ни одну самую мельчайшую деталь не пропускал без глубокого изучения. Он мог потратить несколько дней на изучение проблемы клиента, чтобы потом начать все заново, рассматривая ее под другим углом. Дэн Берг все ставил под сомнение, и его критический взгляд не упускал ни одного недостатка в планировании. Вся жизнь, строго говоря, представляет собой сплошной трудно поддающийся расчетам риск. Ничьи предсказания не звучали так мрачно, как предсказания Дэна.

Некоторые клиенты называли его «Судный Дэн».

Сейчас он сидел, уткнувшись в какой-то увлекательный эксельный документ, никак не реагируя на Алекса, ходящего взад-вперед по офису.

Что же произошло в тот момент, когда Нина прервала разговор?

Может быть, по радио что-нибудь скажут?

Нет, вряд ли.

Он напомнил себе, что Нина – хорошо подготовленный полицейский и, вероятно, знает свое дело. Но все же она – женщина, она молода... Вот же его угораздило. Нужно работать, но никак не удавалось не думать о ней.

Алекс Кинг задавался вопросом: насколько нелепо было бы придумать повод, чтобы зайти к ней в участок? Что ему может там понадобиться? Он взглянул на часы. Половина второго. Всего-то десять минут пути, никакого трафика в обед. Ему просто посмотреть...

Но он сердито отогнал от себя эту мысль. Никаких дел там быть не может. Давай-ка, приятель, все же поработаем.

Глава 23

Она ценила конкуренцию. Слева от нее сидел Стефан, который без проблем справится с контрольной. У него наверняка будет девяносто процентов правильных ответов. Рядом со Стефаном расположился Роберт. Он основательно все вызубрил, но у него нет особого блеска. Повернув голову вправо, она посмотрела на Хелену. Хелена опасна. Она очень умная, в седьмом классе у нее по всем предметам были отличные оценки. В большинстве дисциплин она была лучшей во всех четырех параллельных классах. По поводу нее действительно стоит тревожиться.

Они ждали, пока учитель раздаст задание. В зале находилось тридцать восьмиклассников, и половина их понятия не имела, зачем они сюда пришли. Она же готовилась долгие месяцы. Это главная контрольная по математике за полугодие, от нее будет зависеть финальная оценка. Если она с ней справится, в году выйдет пятерка.

Учитель стоял у своего стола и что-то говорил. Она не слушала, заранее знала, что он скажет: чтобы они не торопились, но постарались решить как можно больше примеров. Лучшие сделать все задания, допустив несколько ошибок, чем успеть только половину.

Она понимала, что он пытается помочь, но для нее это было пустым звуком. Она просто должна сделать все примеры. И решить их правильно. Эта контрольная – как распутье. Начиная с сегодняшнего дня Хелена тоже узнает, что такое конкуренция.

Учитель начал раздавать листки с заданиями. Она получила свой одиннадцатой по счету. Рывком придвинув к себе бумагу, бросила взгляд на первую задачу. На несколько секунд случилось полное затмение: она не узнавала пример. Боже милостивый...

Потом паника отступила. Сделав несколько глубоких вдохов, она принялась считать.

* * *

Три часа спустя в коридоре стоял оглушительный шум. Мальчишки кричали и дрались за что-то совершенно незначительное. Девочки стояли группкой, прижав к себе учебники и тетрадки, и обсуждали контрольную. Потные подмышки. Тревога по поводу того, как написали работу. Облегчение, что все позади. Хелена что-то щебетала о том, как блестяще раздалась со всеми примерами.

Следя за этой выскочкой уголком глаза, она открыла нужный раздел учебника, чтобы получить подтверждение своему решению одной задачи. Представляла себя в центре всеобщего внимания. Она тоже будет вот так рассказывать всем о том, какая она умная.

Погоди, Хелена. Когда огласят результаты, все увидят...

Она смотрела в учебник, ничего не видя. Единственное, на чем она могла сосредоточиться, – это на Хелене, которая чирикала как синичка, окруженная подружками. Однажды сама она тоже будет стоять вот так.

* * *

Кабинет у отца маленький и довольно мрачный. Темно-красные бархатные обои с золотыми медальонами. Полки от пола до потолка со старинными книгами в кожаных переплетах и папками для журналов. Все расставлено идеально ровными рядами. Перед окном – письменный стол красного дерева. Он принадлежал еще дедушке, ему наверняка лет сто как минимум. Хотя снаружи еще было светло, в кабинете царил сумрак, потому что отец опустил шторы. Он всегда так делал. Она бесшумно проскользнула в кабинет и стояла, глядя

на его спину, пока он сидел и писал от руки. Работал он очень тихо, даже дыхания не было слышно.

Она положила контрольную перед ним на стол. Отец что-то пробурчал и повернулся к ней. Улыбнулся. Она, осторожно подавшись вперед, поцеловала его в висок. И, сделав шаг назад, стала ждать.

– Что это? – спросил отец, беря ее контрольную по математике. Повертел в руках, не открывая. Оценка стояла на предпоследней странице. Ему придется пролистать всю тонкую тетрадку, чтобы увидеть результат.

Отложив ручку, он отодвинул от себя письмо, которое писал. Открыл контрольную, взглянул на вторую страницу. Ничего не сказал. Перевернул страницу. Что-то пробормотал. Снова перевернул страницу. Ничего не сказал.

Ей казалось, она сейчас взорвется. Он делал все так медленно...

Но вот отец дошел до последнего разворота и увидел результат.

– Пятьдесят шесть правильных ответов, – проговорил он и повернулся к ней.

Она радостно закивала. Разве он не хочет что-то ей сказать?

– Из пятидесяти шести возможных, – продолжал он. – Все решено правильно.

Она начала прыгать по комнате. Ожидала, что отец скажет, какая она молодец. Скажет, что гордится ею. Никогда раньше ей не удавалось написать контрольную без единой ошибки. Никогда.

– Ты готовилась, не так ли?

Она перестала прыгать и посмотрела на него. Кивнула, не понимая до конца, к чему он клонит.

– Если ты хорошо подготовилась, то это самое малое из того, на что ты можешь рассчитывать. Теперь ты знаешь, что ты можешь.

Поколебавшись, она открыла рот.

– Я лучше всех в классе. Только у Хелены тоже все было правильно.

– Не соревнуйся с другими, – ответил отец. – Соревнуйся только с собой.

Сложив контрольную, он протянул тетрадку дочери.

– А теперь будь умницей, дай мне закончить работу.

В молчании она вышла из отцовского кабинета, не понимая до конца, что произошло. Он ею недоволен? Она могла лучше? Но нельзя добиться лучшего результата, чем пятьдесят шесть из пятидесяти шести. Так почему же он ее не поздравил?

Медленно бредя в свою комнату в конце коридора, она ломала голову: ему не понравилась ее реакция? То, что она радовалась? То, что сравнивала себя с Хеленой?

«Соревнуйся только с собой», – сказал он.

Мама сидела в комнате, раскрыв на коленях книгу.

Дочь прошла мимо, не сказав ни слова. Положила контрольную на кровать и прикрыла подушкой. Наверное, она сделала из этого слишком большое событие. Это всего лишь контрольная по математике. Не отдохнув ни минуты, она открыла учебник английского и стала читать про Вторую мировую войну. Через три недели сочинение. И она будет во всеоружии.

Глава 24

Он снял трубку после третьего сигнала, чуть не расплескав горячий кофе. Какие нетерпеливые.

– Пора.

– Кто это? – спросил Фредрик и отхлебнул из чашки. Забавно, он как раз сидел на диване в гостиной и размышлял, не пора ли что-то изменить. Эти стены выглядели так уже много лет и начали ему надоедать.

– Мы приедем за тобой ровно в два.

Фредрик покосился на часы. Без четверти два.

– Я занят, – ответил он, мысленно уже бродя по строительному магазину среди банок с краской. Сделать на тон светлее? Или вообще выбрать что-то радикальное? К черту беж – как насчет фисташкового?

Голос на другом конце проговорил:

– Машина уже едет.

Чашка с кофе затормозила в воздухе на полпути ко рту.

– С кем я разговариваю?

Собеседник повесил трубку. Фредрик, наморщив лоб, отложил мобильник.

Странно... Похоже, выбора ему не оставили.

Поставив чашку на кухонный стол, он засуетился, то и дело выглядывая в окно. Зачем такие... такие *методы*? Почему бы просто не назначить встречу?

Снова зазвонил мобильный. Не могли же они уже подъехать?

– Ты едешь? – спросила Мартина.

– Э...

– Фредрик, я даже занесла это в твой календарь. Только не говори, что ты забыл!

Он прикрыл глаза ладонью, словно пытаясь спрятаться «в домик», и обреченно спросил:

– Что именно?

– Беседа с учителем Оскара.

Неужели сегодня?

– Слушай, тут кое-что случилось, мне нужно уехать...

Голос Мартины зазвучал так, словно она говорила сквозь стиснутые зубы.

– Уехать? Что ты намерен делать так внезапно?

– Я получил заказ, работа над которым начинается сегодня. Я же тебе рассказывал.

– Та биография? Почему ты не мог договориться с ними на другой день?

– Они мне только что позвонили и требуют, чтобы я немедленно приехал. Я же обещал взяться за этот проект! Что мне оставалось делать?

В трубке послышался глубокий вдох.

– Сказать «нет», например, – проговорила Мартина совершенно спокойно. – Так. Ну что ж, я сама поеду на беседу с учителем. Отменю свой визит к врачу.

Она положила трубку. Фредрик сказал себе, что надо будет как-то это ей компенсировать. Не в первый раз она прикрывает его косяки. Потом его всегда мучает совесть. Но выбора нет.

Он огляделся. Что ему нужно взять с собой?

Взбежав на верхний этаж, Фредрик на ходу сорвал с себя рубашку, распахнул шкаф и нервно принялся искать свежую.

В этот момент в дверь заколотили.

Почему не воспользоваться звонком, господи? Что за манеры?

Он сбегал вниз по лестнице, на ходу застегивая чистую рубашку, и промахнулся мимо пары петелек.

– Да-да?

Мужчина на пороге был в костюме. Официально-то как. Нейтральная внешность – такого человека потом и не вспомнишь. Это специально?

– Могу я попросить вас предъявить водительские права? – произнес гость.

– Что? Вы хотите убедиться, что я умею водить машину? – изумленно проговорил Фредрик, отметив, что мужчина проигнорировал протянутую для рукопожатия руку.

Надев ботинки, журналист принялся рыться в карманах куртки, висевшей у двери. Бумажника там не оказалось. На кухне? Нет, он же лежал в заднем кармане джинсов, должно быть, выпал. Обернувшись к незнакомцу, Фредрик поднял в воздух указательный палец – «подождите-ка» – и быстрым шагом направился в ванную. Бумажник действительно валялся на полу. Вернувшись к дверям, он предъявил незнакомцу права.

Человек в костюме внимательно рассмотрел фотографию, сличив ее с лицом хозяина дома. Потом повернулся и пошел вниз по лестнице, к машине.

– Мы опаздываем.

Фредрик последовал за ним, на ходу заправляя рубашку в джинсы.

– Послушайте, вы могли позвонить мне заранее. Ну, там, за несколько дней...

– Заказчик захотел встретиться сегодня, – бросил незнакомец через плечо.

«Заказчик хренов», – подумал Фредрик, спускаясь по двадцати двум бетонным ступеням. Он мог просто сказать: «В четверг я хочу встретиться с тем, кто будет писать мою биографию. Где-нибудь после обеда, в уютной кафешке на набережной». Неужели это так сложно?

Их ждал «Вольво-70» серебристого цвета, не самый новый. Человек в костюме открыл заднюю дверь, и Фредрик уселся.

Поездка заняла не более получаса. Лестница была самая обычная и могла находиться в любой многоэтажке семидесятых годов постройки. Серый мраморный пол, в котором кое-где проглядывали окаменелости, округлые перила с практически стертым множеством рук защитным слоем лака. Бумажки на стене, напоминающие о том, что надо закрывать дверцу общественной стиральной машины в подвале. Реклама мойщика стекол по имени Томми. Но повсюду чисто.

Они остановились у двери без всяких обозначений.

– Так мы зайдем? – нетерпеливо спросил Фредрик, когда они простояли перед ней добрых двадцать секунд.

Человек в костюме посмотрел на часы и ничего не сказал.

Ровно в два тридцать они вошли в квартиру. Обычная прихожая. На вешалке пара курток. Сопровождающий не стал снимать уличную обувь, и Фредрик поступил так же.

Все материалы, использованные при отделке квартиры, были не просто высокого, а высочайшего качества. Необычно для многоэтажки. Журналист пытался сложить все в единую картину, но у него ничего не получалось. Как-то это странно. Но, признаться, занимательно.

В гостиной на диване сидел мужчина, положив на низенький кофейный столик ноги в грубых ботинках. Волосы у него были почти черные, лоснящиеся, аккуратно схваченные в хвост на затылке. Козлиная борода. Джинсы, застиранная футболка. И выпирающее пузо – похоже, кто-то пьет много пива. На вид ему было лет сорок.

Айтишник? Парень, создавший IT-компанию и только что ее продавший, выручив за нее парочку миллиардов? Смутное чувство, что он уже видел этого человека раньше, охватило Фредрика, однако он от него отмахнулся. Может, в каком-то журнале.

– Спасибо, – произнес мужчина с дивана, кивнув шоферу, который остался стоять в дверях.

Не дожидаясь приглашения, Фредрик прошел в комнату и остановился перед заказчиком. Протянув руку, он изобразил свою самую ослепительную улыбку, хотя по-прежнему ощущал сильное раздражение. Ну что за методы?

– Фредрик Хельмарк.

Мужчина, сидящий на диване, не пошевелился.

– Садись, – негромко произнес он.

У них тут сообщество гермофобов, что ли? Или никто просто не знает, что такое хорошие манеры? Гость немного поколебался и опустился в кресло.

– Мое имя – Лукас Свартлинг.

– Вот как? – откликнулся Фредрик. – Я должен знать, кто вы такой?

– Не знаю. Должен?

Он старался вспомнить. Пауза затянулась.

– О'кей, у вас есть некий бизнес. Довольно долго вы работали, создавая его из ничего, но теперь все это стало надоедать. Вы гордитесь своим детищем и хотите, чтобы другие поняли, как самоотверженно вы вкалывали. Примерно так?

Свартлинг пристально и молча вглядывался в него целых полминуты, а потом звучно расхохотался. И шофер, или кто он там был, тоже рассмеялся. Но они тут же оба смолкли как по сигналу.

– Неплохая догадка, – без тени улыбки проговорил он. Повернулся к двери. – Два кофе.

Вскоре кофе уже стоял на столе, как будто в соседней комнате давно ждали этой просьбы.

– Так чем вы занимаетесь? – спросил Фредрик, беря свою чашку: запах от нее исходил чудесный.

Свартлинг пил кофе, элегантно отставив мизинец. Фредрик задался вопросом, не пытается ли его собеседник показать, что, несмотря на пивную мозоль, конский хвост и одежду совсем не как у снобов, живущих вокруг площади Стюреплан, у него все же есть свой стиль. Или же это был просто оттопыренный мизинец.

– Первый этап в написании биографии, – произнес Свартлинг, – заключается в сборе фактов. Ты получишь список людей, у которых возьмешь интервью, – там несколько человек. Они дадут тебе представление о том, кто я. У тебя есть время до тридцать первого декабря, чтобы закончить этот этап. Потом мы встретимся и обсудим собранный материал.

Фредрик задумался. Последний день декабря – не самый оптимальный дедлайн, учитывая рождественские праздники. У него есть несколько дел, которые он, на самом деле, давно должен был бы сделать, но все откладывал в долгий ящик. И этот ящик хорошо бы открыть в этом году, а не в следующем. Сегодня последний день ноября. Месяц на то, чтобы провести и распечатать несколько интервью? Пожалуй, пойдет.

Он кивнул, потягивая изысканный кофе.

– Без проблем.

Свартлинг пристально посмотрел на него, и, что этот взгляд означает, понять было трудно.

– Дальше ты станешь изучать сам бизнес, – продолжал Лукас. – Возьмешь несколько интервью у меня. И, возможно, еще у кого-то, если я решу, что его сведения ценны для будущей книги.

– Без проблем.

– Тридцать первое января.

Фредрик поставил чашку, посмотрел в потолок. Прикинул сроки.

– Без проблем, – снова произнес он.

Свартлинг описал в деталях, как он хочет, чтобы журналист работал. Каждый раз, когда он делал в своей речи небольшую паузу, Фредрик вставлял: «Без проблем».

– Итак, когда вы хотите получить, так сказать, готовый продукт? – спросил он. – Когда вся биография должна быть готова, чтобы явить ее миру?

– Я хочу иметь чистовую рукопись к концу февраля. Полностью завершенную. Отредактированную и готовую к печати.

Фредрик выпрямился и фыркнул.

– К концу февраля? – переспросил он. – Это весьма сжатые сроки. Неизвестно, какие сложности возникнут в процессе.

– Никаких проблем, – отрезал Свартлинг. – Ты сам об этом только что сказал. Девять раз. Надо же быть таким занудой!

– Вот почему мы делаем это в три этапа, – продолжал Свартлинг. – На первом ты встретишься со всеми, с кем надо, и возьмешь интервью. На втором этапе сделаешь набросок текста на основании всех материалов, включая беседы лично со мной. На третьем остается только собрать все воедино и внятно написать. Разве это так сложно?

Фредрик подался вперед на стуле и сложил ладони, соединив кончики пальцев: эффективная поза превосходства. Он это знал, но пользовался в редких случаях.

– Все это, как вы сами говорите, должно быть сформулировано так, чтобы общественность захотела прочесть. Иначе ни одно издательство не станет иметь дело с таким текстом.

– Именно поэтому я выбрал тебя, – ответил Лукас Свартлинг. – Двадцать восьмое февраля.

– Творческий процесс нельзя насиловать, поймите! Иногда некоторые вещи растягиваются на долгое время. Результат будет лучше, если я стану работать без стресса. Вы уже связывались с издательствами?

– Они будут биться за эту рукопись, могу гарантировать. Горяченький материалчик, и они оторвут его с руками. Двадцать восьмое февраля.

Фредрик уставился на заказчика. *Горяченький*? Знал бы он, сколько таких горяченьких историй издательства отвергают каждый месяц...

– Если сразу разбираться со всеми неожиданностями и следовать намеченному плану, то все получится, – сказал Свартлинг. – Я всю жизнь так работаю. Препятствие – решение. Без того, чтобы тянуть это препятствие за яйца.

Фредрик удивленно приподнял брови.

– Неразумно ставить слишком короткий срок. Всегда может случиться нечто непредвиденное. Поэтому успешные писатели закладывают небольшой буфер, чтобы не переносить дедлайны. Лукас, предлагаю все же договориться на пятнадцатое апреля.

Он добавил полтора месяца, а не месяц. Сейчас Свартлинг будет разыгрывать из себя крутого парня и предложит тридцать первое марта, что было бы совершенно нормально. За четыре месяца все это возможно повернуть. По-прежнему сжатые сроки, но терпимо.

Свартлинг долго смотрел на собеседника. Лицо у него было словно высечено из камня – и не поймешь, что творится в голове. Сейчас он скажет...

– Ты прав. Десятое марта.

Он быстро встал и вышел из комнаты – разговор был окончен.

Ошарашенный Фредрик остался сидеть с явным ощущением, что все пошло как-то не так. Не по тем рельсам. Он услышал, как с грохотом захлопнулась входная дверь.

– Какого черта! – воскликнул он.

В дверях появился шофер с какими-то бумагами в руках. Журналист бросил взгляд на заголовок.

«Контракт».

– Подпишите.

Забавно. Даты уже на месте. Десятое марта. Фредрик поставил внизу каждой страницы свою подпись. Шофер сунул ему в руки второй экземпляр. Черкнув последнюю неряшливую загогулину, Фредрик Хельмарк судорожно сглотнул.

На что он подписался?

Глава 25

Суматоха после смертельного выстрела улеглась. Все вернулись в свои кабинеты. Единственное, что напоминало о драме, разыгравшейся на ступенях здания полиции, – глухое неприятное чувство, угнездившееся где-то в животе. Инспектор посмотрела на свои записи, стараясь собраться с мыслями. Что-то во всем этом деле не так, но она не могла понять, что именно. Где-то не сходится. Науки о человеческом поведении Алекса Кинга – штука хорошая, однако старая добрая полицейская интуиция тоже обычно не подводит.

Нина вспомнила, что ей обычно говорил отец: «Мысли нестандартно. Не застревай в привычных шаблонах и не заикливайся». И давал ей заковыристые задачки на логику, из тех, где для правильного результата нужно выйти за рамки условий. Провести линию за границу листа.

Удача сопутствовала ее отцу в делах, потому что он всегда избегал того, что делали остальные. Когда другие делали ставку на недвижимость, он инвестировал в сырье. Когда все бросились создавать IT-компании, он начал строить частные школы. На дальней дистанции Олаф Мандер оказывался успешным предпринимателем. Не то чтобы к нему пришла мировая слава, но на его счету была длинная череда успешных проектов.

– Не бойся быть другой, – говорил он ей. – Это не всегда самый выгодный путь, но слишком просто быть с волками. Выбери свою дорогу.

Мать пришла в ужас, узнав, что Нина собирается стать полицейским, но Олаф Мандер поддержал выбор дочери. Она изначально знала, что тот будет на ее стороне. На чьей стороне оказалась после развода ее мать, определить было трудно. Сейчас они мало общались.

Отработав два года в кризисном центре для жертв преступлений, она пришла к профессии полицейского. Ей хотелось помогать людям, чувствовать, что она приносит пользу. Рано было говорить, нашла ли она свое истинное призвание, но со временем это станет понятно. Пока что Нина ощущала себя на своем месте.

Инспектор Мандер вернулась к своим записям. Она уже знала, как просто начать мыслить в одном направлении, вцепиться в одну версию и не замечать остальных. А комиссар Хельмарк требовал результатов. Он ожидал, что она придет к нему с идеями. Но откуда взять хоть маломальски вменяемую зацепку или версию?

Никаких подозреваемых, никаких мотивов – помимо самого очевидного: желания заработать деньги.

– Мысли нестандартно... Не заикливайся... – пробубнила Нина себе под нос, цитируя отца.

Один осведомитель слышал разговоры, будто затевается нечто крупное. Обычно в таких случаях речь идет о партии наркотиков в особо крупных размерах или хитроумной схеме их трафика.

Будь преступником сама Нина, она могла бы потирать руки от удовольствия. Два убийства, а полиция по-прежнему бродит в потемках...

С другой стороны, с чего бы ему радоваться? Ведь он хотел заработать семьдесят пять миллионов, но вместо этого не получил ни гроша. А на организацию всей этой затеи наверняка ушли большие средства. Анализ ситуации, слежка, планирование. Закупка оборудования. Найм профессионального киллера? Если подумать, где-то там должен сидеть очень недовольный преступник.

Это могло означать только одно: скоро они услышат об очередном миллионере, которому угрожают. Или которому прострелили череп. Вопрос времени.

Что делает преступник, которому не повезло при первой попытке?

Нина потерла лоб. Чутье подсказывало ей, что она вот-вот что-то нащупает.

Она записала:

«Первая попытка не удалась».

Подумала. А кто сказал, что это неизменный параметр? Да, преступник не получил денег, но...

Она написала:

«Первая попытка удалась».

Предположим, что смерть Клаэса Юнггрена полностью соответствовала планам злоумышленника. Шантаж без результата, скандальное убийство, утечка информации в прессу – все было тщательно продумано.

Какая от этого польза?

Очевидно: теперь все знают, что угрозы – реальность. И следующая жертва послушно заплатит. Но если Юнггрен был убит в качестве устрашения, то это не сработало. Рогер Аксберг все же обратился в полицию.

«Подумай под иным углом зрения», – прозвучал в голове голос отца.

А что, если и смерть Аксберга была спланирована? Когда убиты два миллионера, народ будет готов раскошелиться.

«Наоборот».

Нина уставилась на то, что записала. Мыслить нестандартно – для этого нужно спросить человека совсем постороннего.

«Первая попытка удалась». Последнее слово она даже подчеркнула.

Если преступник хотел именно убить Юнггрена, а не получить его деньги, то акция оказалась успешной. Тот мертв. Может быть, Аксберг – всего лишь отвлекающий маневр? Чтобы заставить полицию сосредоточиться не на врагах Клаэса Юнггрена, а на его деньгах, которые кто-то совершенно с ним не знакомый захотел «отжать» с помощью шантажа? А полиция пусть тратит на это время и ресурсы...

Они хотели убить Юнггрена.

Они *не* хотели убить Юнггрена.

Но если и сам факт смерти не был целью, чего же тогда они добивались?

Нина принялась хаотично барабанить пальцами по столу, словно ожидая, что те случайным образом выбьют сообщение азбукой Морзе с верным ответом.

Они хотели убить Аксберга!

Это и есть разгадка? Не Аксберг был убит для отвода глаз, а Юнггрен. Венчурный капиталист с состоянием, во много раз превосходящим запас денег второй жертвы, вне всяких сомнений, привлек к себе больше внимания, чем никому не известный Рогер Аксберг.

«И снова наоборот».

Возможно, ни Юнггрен, ни Аксберг не были истинными целями. Оба были убиты для отвода глаз... Инспектор полиции откинулась на стуле и заложила руки за голову. Какая же хладнокровная скотина могла убить двух человек, чтобы скрыть, что ей нужен третий! Или четвертый... И сколько же у них ресурсов, чтобы провернуть подобное. Мы явно имеем дело с крупной рыбой.

Немного поразглядывая потолок своего кабинета, Нина написала:

«Первая попытка не закончилась неудачей».

Она поймала себя на том, что ломает голову, как рассуждал бы в этой ситуации Алекс Кинг. Ее безупречная логика споткнулась о банальную нехватку знаний о человеческом поведении.

Глава 26

– Повстречала вчера старого знакомого, – сказала Мартина за завтраком. Одной рукой она наливала молоко Юханне, их пятилетней дочери, другой подкладывала мюсли Оскару.

– Старого знакомого? – переспросил Фредрик, не отрываясь от газеты. Сегодня он поднялся рано, вопреки обыкновению: день у него был расписан. Работы на несколько часов.

– Помнишь Юнаса?

– Нет.

– Из класса.

– Из нашего? Из девятого?.. Ты имеешь в виду педика Юнаса? Да ладно! – наконец он соизволил отложить газету.

– Геем он не был.

– Это он сказал? Во всяком случае, Юнас всегда был какой-то женоподобный. С дряблой задницей, как у престарелой манекенщицы.

Мартина подняла глаза к потолку, и ее муж быстро сообразил, что тему развивать не стоит.

– Несколько недель назад мы были на одной конференции, и он слегка перебрал.

– Приставал к тебе? – ухмыльнулся Фредрик. Это было бы неожиданно. В школе этот парень панически боялся девчонок, заикался и потел в их присутствии.

Мартина бросила на него строгий взгляд и чуть заметно кивнула в сторону дочери. Юханна намазывала бутерброд с сосредоточенностью человека, творящего свой *magnum opus*². И когда они уже решили, что дочка ничего не услышала, она спросила:

– Папа, а кто такой педик?

Мартина практически испепелила взглядом мужа, да так, что Фредрик поперхнулся своим кофе.

– Э... Это мальчик, которому нравится целовать других мальчиков, – неловко пояснила она, очевидно, понадеявшись, что дочка не станет развивать мысль.

– Да брось, на дворе две тысячи десятый год... – глава семейства с опаской покосился на Юханну. Та, слава богу, вернулась к своему бутерброду. – Ну, и о чем вы с ним говорили?

Мартина, пожав плечами, проговорила:

– Он разочаровался в своем браке. Хочет развестись, но не может. Детей у них нет, он работает с утра до ночи – к тому же на своего тестя.

А парню, должно быть, чертовски тяжело. Фредрик скорее дал бы себе что-нибудь отрезать, чем согласился работать на *своего* тестя. Но вслух об этом, естественно, не сказал.

– Хотел рассказать о проблемах с женой. Я его выслушала, дала пару советов. Надеюсь, не вредных. А вчера мы с ним снова столкнулись.

Наверное, Мартина хотела сказать что-то еще, например, что пригласила Юнаса к ним на ужин. Но тут он взглянул на часы и присвистнул.

– Ого! Сколько уже времени. Дорогая, мне пора бежать.

Он наспех поставил грязную посуду в раковину. Денек обещал быть интересным. А к ним на рождественского гуся заявится старый школьный приятель – так и что с того? Если надо, он охотно выступит жилеткой, в которую можно поплакаться.

– Фредрик, мы еще должны обсудить подарки...

Он улыбнулся жене.

– До праздников куча времени. Успеется.

² Великая работа (лат.) – в науке или искусстве – лучшая, наиболее успешная работа ученого, писателя, художника или композитора.

- Осталось всего две недели, а список Оскара составлен... с размахом.
- Утрясется. Все успеем, – бросил он и, чмокнув Мартину в щеку, вихрем унесся на встречу.

* * *

Пару часов спустя разговор о Юнасе и его неудачном браке начисто стерся у Фредрика из памяти. Он очень надеялся, что не опоздает на первое интервью. Адрес он куда-то записал, но теперь не мог найти бумажку и ехал по улицам с минимальной скоростью, вертя головой. Ему казалось, что это была улица Фалугатан, но точно помнил он только номер дома – 23.

Проверить адрес по карте ему и в мысли не пришло. В каждой машине есть навигатор, но Фредрик им не пользовался. Инструкция к той штуковине – толстенная книга на двести страниц, а жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на такие вещи.

Наконец он обнаружил улицу Фалугатан – и сразу понял, что приехал куда надо. Добравшись до дома 23, увидел табличку: «Д. А. Энтерпрайз». И сейчас ему предстоит встретиться... с самим Д. А.? Давид Андерссон. Или, скажем, Даг Арцелиус. Поднимаясь на лифте на пятый этаж, Фредрик успел сконструировать еще одиннадцать комбинаций имен к инициалам Д. А. Один из лучших вариантов звучал как Дегенерат Артритный.

Поправив воротник рубашки, он позвонил в дверь. Мужчина, открывший ему, был одет в джинсы и пиджак, из-под которого торчал большой живот. Волосы тоже собраны в хвост, как у Лукаса Свартлинга. Олдовые рокеры, мать их...

– Привет, я Фредрик Хельмарк. Я ищу... э-э... минуточку... – Он принялся хлопать себя по карманам в поисках бумажки.

– Кристиана Юнссона, – подсказал мужчина. – Это я.

– Точно, привет! – Фредрик протянул руку, и Юнссон с серьезным видом пожал ее, попутно глянув на часы.

– Знаю, – проговорил журналист, виновато улыбаясь. – Такое ужасное движение! Просто никуда не доберешься.

– В это время? – спросил Юнссон, приподнимая одну бровь.

– Там авария возле... возле... послушайте, мы тут будем сидеть?

Юнссон, не говоря ни слова, жестом пригласил гостя в квартиру. Они расселись в кресла в гостиной, весьма удобные, между прочим. Фредрик достал блокнот и диктофон и положил их на журнальный столик.

– Итак, Кристиан Юнссон. Скажите, какова ваша должность в концерне?

Юнссон сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух. Несколько секунд он смотрел на гостя, потом раскрыл рот и произнес:

– Я главный бухгалтер.

Пауза.

– Как давно вы знаете Лукаса?

– Десять лет.

– Десять лет, – повторил Фредрик и записал это в свой блокнот. Спohватился, вспомнил про диктофон и нажал на кнопку записи. Ничего не произошло. Быстро подняв глаза на хозяйку квартиры, он вдруг понял по его взгляду, что спрашивать, нет ли у него запасных батареек, не стоит.

– Что вы можете рассказать о нем? В смысле – о Лукасе?

Кристиан Юнссон положил ногу на ногу и сложил руки на коленях. Очевидно, он ожидал этого вопроса.

– Лукас – человек, которым я по-настоящему восхищаюсь.

Он замолчал. Фредрик нетерпеливо взмахнул рукой, предлагая тому продолжать. А дальше?

- Он очень хороший начальник. Он точен, справедлив, у него есть идея.
- Концепция – это здорово, – сказал журналист. – Можете привести примеры?

Юнссон описал, как Лукас Свартлинг начал работу с пустыми карманами. В буквальном смысле слова. «*Self-made man*», – отметил Фредрик. Наделенный умением видеть перспективу, он сразу определил, что именно хочет создать. «Целеустремленность», – появилось в блокноте. Надо не забыть выспросить Свартлинга о целях компании. Чем они вообще занимаются-то? Затем главный бухгалтер рассказал, как их босс решительно начертил план, по которому они будут двигаться, и строго наказал его придерживаться.

«*Структура и стратегия*», – записал Фредрик. Нет, «*стратегия и структура*» будет лучше звучать.

Юнссон долго рассказывал о препятствиях, с которыми вся их команда и Свартлинг лично столкнулись десять лет назад. В деталях описал, как крепла их дружба, и на некоторое время погрузился в ностальгические воспоминания.

Показалось странным, что человек, которому на вид не более сорока, впадает в сентиментальность и тоскует по прошедшим временам. Разве это происходит не позже? После пятидесяти, например. Сам он пока особо не оглядывался назад. Все идет как идет.

– Без Лукаса мы все были бы безработными. Он действительно проделал выдающуюся работу. Выбери он любую другую область, мог бы и там продвинуться до небес.

Тут у Фредрика возникла мысль.

– Как бы вы назвали ту отрасль, в которой работаете?

Главный бухгалтер компании Свартлинга устремил взгляд в окно. Он что-то жевал – возможно, жевательную резинку. Но у Фредрика сложилось впечатление, что собеседник жует свой язык или внутреннюю поверхность щеки.

Не дождавшись ответа, журналист махнул рукой.

– Ладно, неважно, я все равно потом это выясню. Расскажите немного о личной жизни вашего босса.

– Лукас женат на Долорес, они живут с двумя детьми на вилле в живописном пригороде.

– Долорес? Необычное имя. Откуда она родом?

– Не знаю.

– А в каком пригороде?

– Не могу сказать.

– Знаете, это стало бы приятным дополнением к портрету Свартлинга... Картинка, фактура – из таких моментов и состоят книги. Может быть, в процессе работы я нанесу визит к нему домой.

Нежданная улыбка Кристиана Юнссона, начавшись с уголков рта, расплылась по всему лицу. Теперь собеседник даже казался симпатичным.

– Знаешь, фрилансер, меня бы это очень удивило. Крайне удивило.

Ну вот, всю симпатию как рукой сняло. Тут хозяин квартиры поднялся с кресла и застегнул пиджак – пуговицы едва сошлись на огромном животе. Интервью было окончено.

Глава 27

Алекс оглядел четырех смехотворно одинаковых господ в темных костюмах с унылыми галстуками. Трое мужчин и женщина, все пожилые, – и вид у них был такой, словно они только что вернулись с чужих похорон. Или репетиции собственных. С самого начала встречи разговор тащился медленно и болезненно, будучи ориентированным на проблемы, а не их решение.

Директора банка были недовольны программой обучения менеджеров среднего звена, которую Алекс только что закончил вести. Закрадывалось чувство, что они просто ищут козла отпущения. Мысли, как назло, все время норовили ускользнуть к звонку Нине несколькими часами раньше. Что же все-таки случилось?

– Есть только один способ сохранить ваши инвестиции в обучение, – сказал Алекс и обвел глазами присутствующих. – Это модель трех «О».

Один из господ пошевелился на стуле. Долгое время он сидел молча, никак не проявляя своего ментального присутствия.

– И что же это такое? – негромко спросил он.

– *Отслеживание, отслеживание, отслеживание*, – проговорил Алекс с улыбкой. – Вы и раньше отправляли сотрудников на курсы и семинары, не так ли?

Все забормотали в унисон. Да уж, миллион-другой они потратили на обучение за все эти годы.

– *Отслеживание, оценка и основательность*, если без шуток. Как бывает, когда народ сходит на обучение? Поначалу все ужасно довольны, полны идей и энтузиазма, готовы применять полученные знания и менять мир к лучшему... Прямо-таки не могут дождаться, когда вернутся в офис, чтобы все это реализовывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.